

Хороводъ Временъ

ВСЕГЛАСНОСТЬ

1908.—Май.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

*Посвящаю эти строки матери моей
Вирѣ Николаевнѣ Лебедевой-Бальмонтъ,
Чей предокъ былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.*

1.

Конь къ коню. Гремятъ копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь взрыта.
Въ летѣ коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заклюстъ.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ снѣговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно вдѣсь.
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, что то тамъ, что вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтять по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего жо и давъ намъ размахъ крыла?
 Для того, чтобы жизнь жила.
 Для того, чтобы воздухъ отъ свиста крылъ
 Былъ видѣнъсь крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
 Пролетимъ, онъ блеснетъ свѣтлѣй.
 И на мигъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
 Станетъ ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
 Нашъ полетъ Золотой Орды.
 И какъ будто за нами бѣжитъ буревъ,
 Гулъ серебряно-звонкихъ струнъ.

Отъ червонной зари до зари другой
 Птичьи крики, прибой морской.
 И за нами червонны цвѣты всегда,
 Золотая живетъ Орда.

4.

Конь и птица—неразрывны,
 Конь и птица—быстрый бѣгъ.
 Какъ вдале костры призывны!
 Послѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
 Приготовлена ѣда.
 Въ быстромъ бѣгѣ измѣненіи
 Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
 Въ ожиданіи пѣмомъ.
 Безъ вѣщательной угрозы,
 Что намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни ночи въ ночь и прянуть,
 А костры оставлять намъ.
 Если жь битися съ нами станутъ,
 Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солица, мы приходимъ,
 Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
 Быстрый счетъ мы съ міромъ сводимъ,
 Вводимъ волю въ произволь.

Тамъ гдѣ были раздѣленія
 Заблудившихся племенъ,
 Входимъ мы какъ цѣльность пѣня,
 Какъ одинъ прибойный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвѣстно.
 Тотъ, кто выслалъ саранчу,
 И велѣлъ дома, гдѣ тѣсно,
 Поджигать своимъ „Хочу“.

Что ведетъ насъ? Воля кары,
 Измѣненіе вещества.
 Наряжаясь въ пожары,
 Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
 Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
 Тихой Смерти необыжность,
 Черный коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ,
 Чтобы каркать для людей.
 А свободѣе, а выше—
 Стоя бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужь такъ темна,
 Закатилась круторогая Луна.

Но видать ся, Владычицы ночей,
 Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонъ, раскинулись узоромъ круговымъ,
 Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
 Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
 Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
 И упала, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горитъ.
 Говорить душѣ. А что же говорить?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
 Миѣ ужь мало убѣганій безъ границъ.

Миѣ ужь мало взять костры, разбить обозъ,
 Миѣ ужь скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Миѣ ужь хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ,
 И покоя въ лебедино-тихий часъ.

Гдѣ-жѣ найду ихъ? Гдѣ, желанная, она?
Ночь безлунная темна, ужь какъ темна.

Гдѣ же? Гдѣ жо? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтятъ звѣзды, не просвѣтятъ въ мірѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою череда.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

— Гдѣ жо ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть божь отдыха—быть нищимъ.
Что мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или —
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хочетъ ллѣй,
Коршунъ хочетъ мертвыхъ тѣль.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, коль замеръ смѣхъ.

— Гей, захаишь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стоиѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другимъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись стая въ утрѣ синемъ.
Въ Нобѣ синемъ—звонъ кадыль.

7.

— Половяночка, не плачь.
Свѣтоглазочка, засмѣйся.
Пу, засмѣйся, змѣйкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Половяночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запаястья?
Все, что хочешь. Только бѣ счастья.
Поло счастья—безъ межи.

О, свѣтляка, подблудь!
Дай мнѣ сказку поцблудь!
Лебедь хочетъ жить ликум,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплывемъ,—но утоплю.
Возлетишь,—коснусь крыламя.
Выше. Къ Солнцу! Солнце съ нами!
— Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

Опрокинулись рѣки, озера, заторы хрустальныя,
Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетности Млечныхъ путей.
Свѣтать въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальныя,
Разновольность людей обращаютъ въ слякнность ночей.

И горять, и горять. Были вихрями, стали надылами.

Стали бездной свѣчей въ круговданности храмовъ ночныхъ.

Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокрылыми.

И, срываясь, поютъ, что вьязу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медъ, предугаданный пчелами.

Изъ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадетъ звѣзда.

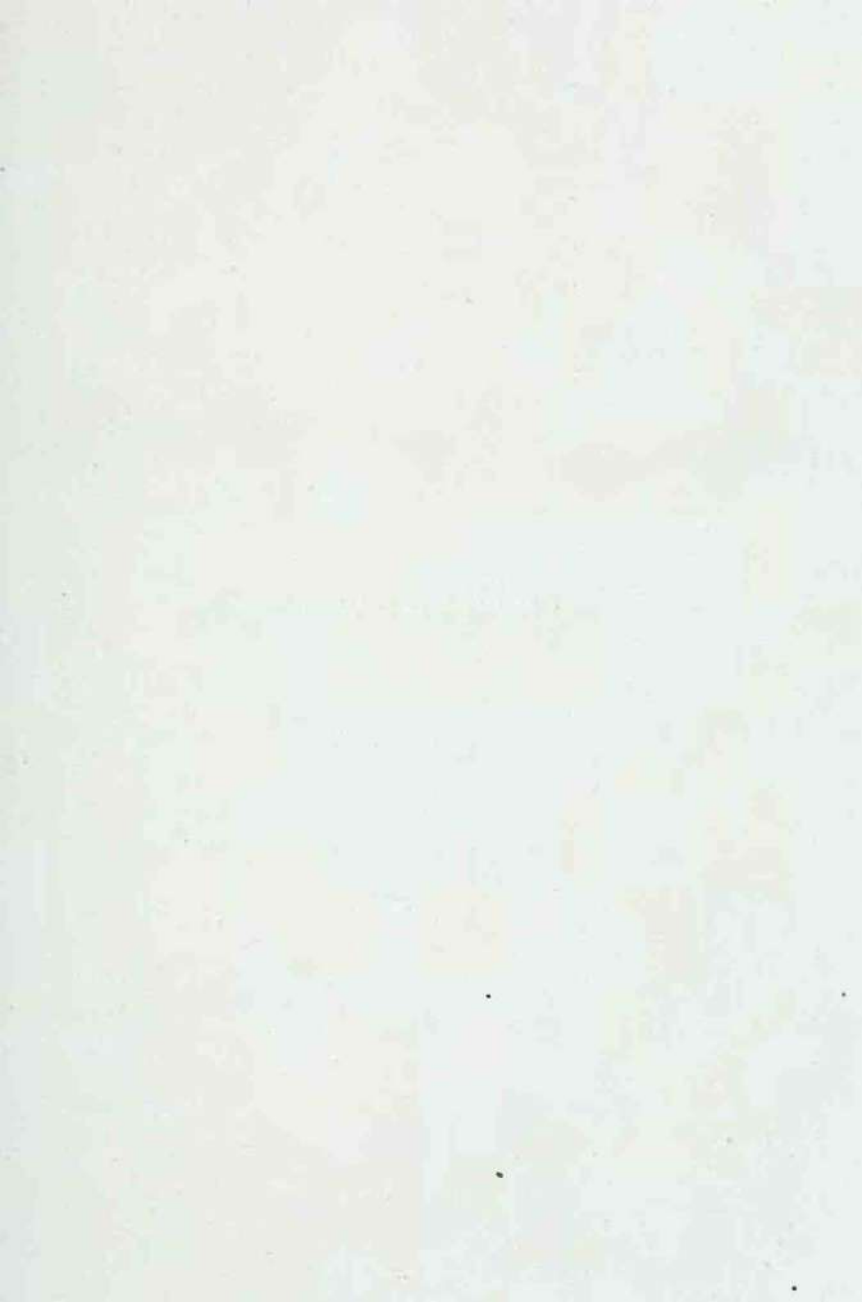
Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ веселыми.

И горять какъ цвѣты. И горитъ Золотая Орда.

1908. Ночи Зимыя.

Долина Вережь.

ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ.

1.

ЯНВАРЬ.

Славяпскій Просинецъ, въ сосулькахъ весь, Январь,
 Какъ будто Новый Годъ, какъ будто смотритъ въ старь,
 Поставленъ Декабремъ, и словно въ правду царь.

Морозеть, и казнить, и носить горнистай,
 Пощады отъ него въ лѣсу не ожидай,
 А все же знаеть самъ, что будоть Мартъ и Май.

Хотя у Января и дологъ бѣлый зубъ,
 Хоть золотомъ лучей по-старчески онъ скупъ,
 Труби въ мятель-трубу,—что толку въ ревахъ трубъ?

Едва Январь вошелъ въ хрустальный свой дворецъ,—
 Раскрыла чуточку Весна цвѣтной ларецъ,
 И стали дни роста и пѣть Зимѣ конецъ.

Поютъ они, поютъ, и лучъ на нихъ блеснотъ,
 Поютъ они, что вотъ снѣженкамъ спутанъ счетъ,
 Что льды-то хороши, а тастъ все-жъ и ледъ.

И слушастъ Январь, блѣднѣеть, побѣлѣть,
 Синѣть, весь застылъ, увидѣлъ свой предѣлъ,
 Такъ, Просинецъ, синѣй, конецъ тебѣ пренѣлъ.

II.

ФЕВРАЛЬ.

Февраль—Сѣчень, Февраль—печаль,
 Короткій день, а дня намъ жаль,
 Короткій день, и длится ночь.
 Тутъ какъ мѣнять? Тутъ какъ помочь?

Февраль, онъ крутъ, Февраль, онъ лютъ,
 Ему лишь вѣтры стихъ поютъ.
 Сѣчетъ онъ снѣгомъ лица намъ,
 Сѣчетъ онъ зиму пополамъ.

Февраль—предатель. Бойся тотъ,
 Кому Февраль тепломъ дохпеть.
 Онъ грѣетъ часъ, въ обманахъ дней,
 Чтобъ ночью было холоднѣй.

III.

МАРТЪ.

Мартъ капризный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ,
Мѣсяцъ тотъ, что предъ Апрѣлемъ—такъ его, боясь, крестятъ.

Стонутъ мартовскія кошки, въ нашемъ сердцѣ и на крышѣ,
И сказать намъ невозможно, гдѣ свирѣпѣе, гдѣ тише.

Мартъ у матери взялъ шубу—продалъ мѣхъ на третій день,
Мартъ невѣрный, Мартъ смѣется, Мартъ рыдастъ, свѣтъ и тѣнь.

Мартъ ворчитъ какъ старый старецъ, Мартъ лепечетъ какъ ро-
бонокъ,
Мартъ приходитъ львомъ могучимъ, а уходитъ какъ ягненокъ.

Входитъ въ кровь и въ сновидѣнья, влажнымъ дѣластъ нашъ
взглядъ,
Мартъ безумный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ.

IV.

АПРѢЛЬ.

Апрѣль—разымчивый Цвѣтень,
 Апрѣль—сплошной Егорьевъ день,
 Въ упорной схваткѣ свѣтъ и тѣнь.

Пучинный мѣсяцъ, живъ приливъ,
 Разливъ широкъ, потокъ красивъ,
 Отъ мига—часъ для новыхъ пивъ.

Послѣднихъ льдинокъ тонкій звонъ,
 Прплеть крылатыхъ завершенъ,
 Поютъ и вьютъ, вступаютъ въ сонъ.

Но все жъ, хоть много сновъ зажглось,
 Двѣнадцать разъ сѣдой Морозъ
 Посеребритъ луга, откосъ.

И будетъ рыжая Луна,
 Врагиня грезъ, она страшна,
 Цвѣтамъ въ ней ржавчина одна.

Но если холодъ—лиходѣй,
 Егорій есть въ разливѣ дней,
 Защита травъ, полей, звѣрей.

На бѣломъ ѣздить онъ конѣ,
 И щипъ его въ живомъ огнѣ,
 Сѣдло въ цвѣточной пеленѣ.

Онъ появляется въ лѣсахъ,
Весь въ красномъ золотѣ, въ звѣздахъ,
Златые кудри—въ жемчугахъ.

И звѣрю онъ дастъ наказъ,
Пчелѣ велеть, чтобы зажглась,
Покинувъ улей въ ранній часъ.

Егорій ѣдетъ—слышишь громъ?
Егорій рушилъ водосмъ,
Егорій, пѣснь тебѣ поемъ.

V.

МАЙ.

Май, Май,
 Свѣтлый рай,
 Обнимай да не замай.
 Май, Май,
 Цвѣтичокъ,
 Въ рощѣ свѣтленькій лужокъ.

Май, Май,
 Свѣжій сонъ,
 Колокольцевъ нѣжный звонъ.
 Ландышъ здѣсь,
 И ландышъ тутъ,
 Это ландыши поютъ.

Май, Май,
 Нѣжный весь,
 Шопотъ тамъ, и смѣхъ здѣсь.
 Какъ струна,
 Изъ вѣтвей,
 Звонко клочетъ соловей.

Май, Май,
 Ты—Весна,
 Ты—окошко для зерна.
 Вдругъ пошлешь
 Даже свѣтъ,
 На часокъ, для большихъ ятъъ.

Май, Май,
Ты хорошъ,
Не забылъ ни цвѣтъ, ни рожь.
Май, Май,
Ты—уста,
Трепетъ тѣла, красота.

Май, Май,
Въ коноплю,
Въ лѣнь влагеешь ты „Люблю“.
Сказокъ рай,
Урожай,
Поцѣлуй насъ, Май, Май.

VI.

ИЮНЬ.

Июнь, непостижно-короткая ночь,
 Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
 Кто родится въ Юнѣ, никакъ одному не сумѣть помочь:
 Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
 Душа его будетъ безсовная.

Въ зеленомъ Юнѣ цвѣтутъ все цвѣты,
 Густѣетъ осока прохладными свѣтками,
 Блѣзнетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
 Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
 О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчь съ маргаритками
 Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь ли ты?“
 Цвѣтетъ и влюбляетъ почная фіалка пахучая,
 И радѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
 Кто въ Юнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно
 мучая,
 Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
 Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
 Распѣвченная, жгучая.

И въ Юнѣ, въ Иванову ночь,
 Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
 На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
 На вопросъ, что, мелькнувъ, ужь не скроется прочь.
 И Иванова ночь озаренная

Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, получившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала бессонная.

VII.

ИЮЛЬ.

Июль—верхушка Лѣта,
 Въ поляхъ, въ сердцахъ—страда.
 Въ цвѣту—все волны свѣта,
 Цвѣтеть—сама вода.

Цвѣтеть все ярко-ярко,
 Расплавленъ самый день,
 Все дышетъ жарко-жарко,
 Жужжить, и жжетъ слѣпень.

Въ Юлѣ хоть раздѣнься,
 Не станетъ холоднѣй.
 Гроза, вспыхи и вспѣнься,
 Спусти дождей съ цѣпей.

Такъ ноютъ ноги, руки,
 О, Лѣта переломъ,
 Миѣ легче эти муки,
 Когда я съ кѣмъ вдвоємъ.

Сильнѣе миѣ, зарпца,
 И молніей миѣ будь,
 Лети же въ сердце, птица,
 Открой миѣ въ Вѣчность грудь.

Гремя же, колесница
 Вѣпчаннаго Ильи,
 Окутай, огнесвица,
 Все помыслы мои.

VIII.
АВГУСТЪ.

Зарничникъ, Заревъ, Ленорость,
Дожать, вспахать, посяять,
Пожары селъ, паденье звѣздъ,
Пожары листьесвъ, звѣздный мостъ.
Куда? И что лелѣять?

Серпы нагрѣты, а свѣжѣй,
Чѣмъ было тамъ, въ Іюль,
Всѣ пѣсни спѣты, и слышнѣй,
Чѣмъ пѣсня, крики журавлей.
Вонъ, въ Небѣ потонули.

Усѣкновеніе главы
Великаго Предтечи,
Успенье, Спасы, всѣ-ли вы
Собрали все съ стеблей травы,
И всѣ ль свершились встрѣчи?

Памъ много ль яблоковъ дано,
Орѣховъ, урожая?
Копейка, хлѣбъ, закрома, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь—вотъ, живая.

Но были ласточки—и пѣтъ,
Цвѣтокъ пылалъ—и гдѣ же?
Онъ въ листьяхъ, въ мертвыхъ—пламевѣтъ,
Стригутъ овецъ, в Годъ одѣтъ,
Но рѣже Солнце, рѣже.

IX.

СЕНТЯБРЬ.

Вовсе Лѣто проводили,
И какъ будто легче намъ,
Все скосили, въ полной силѣ,
Все пожали, по домамъ.

Вѣтерки отъ полуночи
Попрохладнѣй повеслясь,
Это Осень смотреть въ очи,
Эй Сентябрь, не холодась.

Хоть готовы намъ кафтаны,
И дрова для всѣхъ печей,
Ты въ ползучіе туманы
Лучъ послѣдній свой пролей.

Ишь, послушай. Бабье лѣто.
Двѣ недѣли есть тепла,
Паутинки въ морѣ свѣта,
Даль прозрачная свѣтла,

Золотые въ сердцахъ слитки,
Шутить Маемъ сѣдина,
Взгляды, первыя засидки,
Ты откуда, лѣснь, слышна?

Не рябина ли зацвѣла,
Что краснѣетъ красота?
Или отдыхъ послѣ дѣла?
Или Воздвиженъ Креста?

Ужъ не знаемъ, только праздникъ,
Въ Небѣ, въ сердцѣ, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказникъ,
Ну, всесвѣтликъ бабій, спой.

X.

ОКТАБРЬ.

Снѣгъ невѣрный, листопадъ,
Свѣтлой Осени закатъ,
Пьяный Свадебникъ, оброкъ,
Закругляющійся срокъ.

Кто дожилъ до Октября,
Поработалъ онъ не зря,
Въ Октябрѣ, какъ въ Мартѣ, въ насъ
Живо сердце, умъ погасъ.

Въ Октябрѣ-то, примѣчай,
Хоть и грязь, а словно Май,
Вотъ какъ сваты будутъ здѣсь,
Путь означается мнѣ весъ.

Земляники въ Октябрѣ
Не вишь ты по зарѣ,
А рябина—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружка.

Не вишь ты и цвѣтовъ,
По зазимью, на Покровъ,
Да ужъ есть одинъ цвѣтокъ,
Мнѣ дружокъ сказалъ намекъ.

Посылает онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—сповъ, землѣ—сяѣговъ,
Землю выбѣлять онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

Бѣлка смѣнять шерсть,—чиста,
Скрученъ левъ,—дождусь холста,
Исоблыжною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI.

НОЯБРЬ.

Божій кузнецъ,
 Дороги и рѣки кусть,
 Зимѣ изо льда онъ готовить ларецъ,
 Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ,
 Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
 Звонко кусть,
 Бѣлая кузница—миръ,
 Весь оковаль,
 Въ иней не разъ и не два одѣваль
 Поле и лѣсъ,
 Кличеть мятели на пиръ,
 Смотрить на яркія звѣзды Небесъ,
 Словно и имъ онъ дороги мостить,
 Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонъ тамъ,
 Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвѣтитъ,
 Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
 Синова—ковать, и гвоздить, и гвоздить,
 Гробъ, что-ли, намъ?
 Саваномъ бѣлымъ въ ночахъ шелестить,
 Искры бѣлая смерть по снѣгамъ.

XII.

ДЕКАБРЬ.

Все покрыть бѣлоснѣжнымъ уборомъ,
 Завершилъ круговратности силъ,
 Вмѣстѣ съ звѣздами ходить дозоромъ,
 Не забылъ ли чего? Не забылъ.

Усыпилъ мертвецовъ по могиламъ,
 Почивайте до лучшаго дня,
 И видѣньемъ скользить бѣлокрылымъ,
 И проходить цѣплями звеня.

За Зелеными Святками въ Бѣлыхъ
 Онъ ведетъ приговорную рѣчь,
 Предстасть въ зеркалахъ помертвѣлыхъ,
 Въ заклинаньи колдующихъ встрѣчь.

И гадасть, пугасть, гадая,
 И счастливить, вопросъ угадавъ,
 И мѣняется сказка сѣдая
 Надъ забвеньемъ загрезившихъ травъ.

Достигасть кратчайшаго свѣта,
 И съ ночами ведетъ хороводъ,
 Повернетъ вмѣстѣ съ Солнцемъ на Лѣто,
 Съ Новымъ счастьемъ, Земля, Новый Годъ.

XIII.

ТРИНАДЦАТЫЙ.

А кто же тотъ Тринадцатый?
 Онъ опрокинулъ счетъ?
 А кто же тотъ Тринадцатый?
 —И вашъ отецъ, я Годъ.

Не я ли вамъ въ круженіи
 Далъ вѣдать бытіе,
 Въ различномъ выявленіи
 Различное свое?

И далъ въ цвѣты вамъ—снѣжности,
 И далъ въ снѣга—цвѣты,
 Свирѣль печали—въ нѣжности,
 И звѣздъ для темноты.

Не я ли далъ слываться вамъ
 Изъ круга въ кругъ другой,
 Не я ли далъ сплетаться вамъ
 Какъ радугой—дугой?

Не я ль вамъ далъ свободными
 Сквозь три и десять быть,
 Со днями хороводными
 Сквозь нечетъ четъ любить?—

Тринадцатый да славится,
 Имъ весь оправданъ счетъ!
 Въ вѣка вѣковъ да явится
 Вѣнчаннымъ мудрый Годъ!

Да славится Тринадцатый,
 Кѣмъ живъ нашъ хороводъ!
 Да славится Тринадцатый,
 Круговозвратный Годъ!

1907. Ночь Осення.
 Soulac-sur-Mer.
 Villa Ave Maria.

МАЙЯ.

I.

ИГРАТЬ.

Играть на скрипкѣ людскихъ рыданій,
 На тайной флейтѣ своихъ же болей,
 И быть воздушнымъ какъ мигъ свиданій,
 И нѣжнымъ — нѣжнымъ какъ цвѣтъ магнолій.

А послѣ? Послѣ — не существуетъ,
 Всегда есть только — теперь, сейчасъ,
 Мгновенье вѣчно благовѣствуетъ,
 Секунда — атомъ, живой алмазъ.

Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
 Безъ сожалѣнья, когда не мыслимъ,
 И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ,
 Когда считаемъ, когда мы числимъ.

Касайся флейты, играй на скрипкѣ,
 Укрась алмазомъ вверху смычокъ,
 Сплети въ гирлянду свои ошибки,
 И кинь, и въ пляску, въ намекъ, въ прыжокъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
 Фіаль переполненный выпить.
 Задремавшие Боги ушли въ Небосводъ,
 Гребцы корабля,
 На которомъ Египетъ
 Сквозь Вѣчность скользить по зеркальности Нильскихъ водъ.

Ушли Фараоны.

Ихъ нарядныя муміи спать,
Предъ глазами людей восхищенными.

Всѣ перныя звоны
Смѣнялись напѣвомъ цикады.

Лишь звѣзды блестять и блестять надъ песками, самому въ-
тенными.

И Сфинксъ все глядитъ.

И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
Въ выжи въковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперебой.

И вокругъ пирамидъ

Жизнь живетъ, вешній воздухъ весь ладанный,
Налъ течетъ, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

III.

ОАХАКА.

Жасминовый сонъ въ саду мимозномъ
И многоразно цвѣтовомъ,
Подъ Небомъ бездннымъ, Небомъ звѣзднымъ,
Гдѣ много дружныхъ звѣздъ вдвоемъ.

Весенній садъ акацій бѣлыхъ,
И апельсиновыхъ вѣтвей.
Помедли, Ночь, въ своихъ предѣлахъ,
О, тише, тише, вѣтеръ, вѣй.

Мы здѣсь въ странѣ, гдѣ, въ Смерть вступая,
Квесталькоатль вошелъ въ костеръ,
А съ краю Моря, золотая,
Звѣзда взошла, и пѣлъ ей хоръ.

Перистый Змѣй, онъ сжегъ все тѣло,
 Но сердце въ пламени — живетъ,
 И до верховнаго предѣла
 Восходить въ синій Небосводъ.

И тамъ гора есть мировая,
 На ней верхи — какъ города,
 На ней все Небо, отдыхая,
 Глядитъ, какъ свѣтится звѣзда.

На той чертѣ, гдѣ слиты вмѣстѣ
 Земля и Небо и Вода,
 Какъ въ храмъ идетъ женихъ къ невѣстѣ,
 Въ лазурной тьмѣ плетъ звѣзда.

И вѣжрый — вѣжливый, паутинный,
 Доходить свѣтъ въ весенній садъ,
 Покровъ лучей, и сонъ жасминовый,
 Сплетенный Вѣчностью обрядъ.

IV.

ЦВѢТОКЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ цвѣтку, съ пчелой звенящей,
 Шлетъ золотистую пыльцу.
 И къ отдаленному концу,
 Надъ обнаженностью и чащей,
 Несется, съ бабочкой летящей,
 Пахучесть думъ, двойной расцвѣтъ,
 Восторгъ цвѣтенья, свѣтлый слѣдъ,
 Воздушность пляски въ зыби струйной,
 Духъ благовоенья поцѣлуйный.

Не такъ ли я тебѣ пишу
 Мое воздушное посланье,
 Которой — сердцемъ я дышу,
 Къ которой — въ сердце я дышу,
 Съ которой тонкое сліянье
 Миѣ общасть мотыльскъ
 Мовхъ цвѣтисто-струнныхъ строкъ,
 Качанье луннаго дыханья,
 Дабы возникъ медвяный сокъ,
 Жасминовый духъ благоуханья.

V.

ПѢСНЬ ЗВѢЗДЫ.

Съ первымъ солнцемъ, съ первой пѣсней вѣшняго дрозда
 У меня въ душѣ запѣла звонкая звѣзда.

— Какъ, звѣзда? Но звѣзды свѣтять, вовсе не поютъ. —
 О, поютъ, лишь только въ сердцѣ пѣснѣ дай пріютъ.

Ты услышишь и увидишь, что съ вечерней мглой
 Звѣзды тихо запѣвають въ тверди голубой.

И межъ тѣмъ какъ Ночь проходитъ въ снѣжной высотѣ,
 Пѣснь Созвѣздій звонче, громче въ топкой красотѣ.

Звонкихъ громовъ, тонкихъ звоновъ вышина полна,
 Тамъ серебряное море, глубина безъ дна.

Тамъ безбрежность ожерельныхъ, звѣздныхъ волнъ поетъ,
 Отъ звѣзды къ Созвѣздію нѣжность, сладкая какъ медъ.

Отъ звѣзды къ звѣздѣ стремленье — въ брилліантахъ пѣть,
 Луннымъ камнемъ засвѣтитесь, паутины сѣть.

Паутинить паутинки тѣхъ тончайшихъ сновъ,
Для которыхъ въ нашихъ ворахъ паръ всегда готовъ.

Погляди-же, ближе, ближе, здѣсь въ мои глаза.
Ты не видишь какъ постъ тамъ звѣдно бирюза?

Ночь весеннюю я слушалъ до утра звѣзду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорѣй на звѣздный праздникъ сердце приготовь.

VI.

ЛАНДЫШИ.

Ландыши вы бѣлоснѣжныя,
Не соты-ль вы лунныхъ пчелъ?
Въ шестигранныя ячейки нѣжныя
Заоблачный сонъ вошелъ.

Вы сладостно, радостно дышите,
Душистый лелѣя сонъ.
Звоните тихонько, и слышите,
Липы вы тотъ слышите звонъ.

Нѣтъ, не только. До самого звѣзднаго
Ноба, гдѣ Полночь — блѣдна,
Гдѣ какъ будто бы въ чарахъ морозаго
Сіянія свѣтитъ Луна, —

Уходить напѣвамъ вольнымъ
Колокольный вашъ призрачный звонъ,
Надъ тѣнями березъ тонкоствольнымъ,
Призывая на свой амвоиъ.

Проникаясь душисто молебнам,
 Вплоть до лунных зовите вы сеть,
 И зовами тонко-хвалесными
 Отвѣтствуютъ сонмы пчель.

Съ Луною пчелы прощаются,
 И внизъ скользять по струнѣ,
 Въ ландыши внутрь помѣщаются,
 И тихонько жужжать къ Лунѣ.

Вонъ видишь, въ дома шестигранные,
 Въ свѣжистость, въ душистость вошли,
 Золотестыя, малыя, странныя,
 Ихъ не слышно въ цвѣточной пыли.

Но не слышно лишь намъ. Все жъ въ волненіи,
 Если ночью близь ландышей мы,
 Словно въ пѣньи мы, въ млѣньи, въ моленіи
 Бѣлозвонной мглы — полутьмы.

VII.

ЛИШЬ БОГЪ.

Лишь Богъ — творецъ, лишь Богъ — всезрящій,
 Лишь Богъ — надъ вихрями планетъ,
 За ними, въ нихъ, вездѣ, въ грозящей
 Провальной мглѣ, и въ травкѣ спящей,
 Въ орлѣ, и въ ласточкѣ летящей,
 Лишь Богъ — поэтъ.

Гремите, солнечныя струны,
 Зовите, люти блѣдныхъ лунъ,
 Пропойте „Богъ“ въ моряхъ, бурныхъ,
 Запомнимъ всѣ, пока мы юны,
 Начальный звукъ вѣчной руны:
 Лишь Богъ — колдунъ.

VIII.

ДЛЯ ЧЕГО?

- Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
 - Для радости зрѣнія лика Господня.
 - Для чего же оно горѣло вчера?
 - Для радости зрѣнія лика Господня.
 - А завтра зачѣмъ? — Чтобъ воскликнуть: Пора!
- Будемъ въ радости зрѣнія лика Господня.

IX.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Poiché vivo per te solo.

Люблю тебя, люблю какъ въ первый часъ,
 Какъ въ первый мигъ внезапной нашей встрѣчи.
 Люблю тебя. Тобою я зажглась.
 Въ моей душѣ немолкнуція рѣчи.
 И какъ мою любовь я назову?
 Восторгомъ-ли? Мученьемъ-ли? Борьбою?
 Ей нѣтъ конца, покуда я живу,
 Затѣмъ что я живу однимъ тобою.

X.

СТРУННОСТЬ.

Oh quanto ti amo.

Завершены часы священныхъ оргій.
 Я зналъ. Любилъ. Безумствую. Люблю.
 Застывъ, какъ тѣнь, въ паническомъ восторгѣ,
 Віснѣя моихъ терзаній длю.

Благоговѣнно, гимнами хорала,
 Во мнѣ поетъ безсмертная любовь.
 Не говори, что блеска въ жизни мало.
 Благослови. Люби. Не прекослови.

XI.

РАЗСѢТЬ.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,
 Зеркало хрустальное разбилося,
 Травы зашептались, чуть шурша.
 Въ озерѣ все Небо отражалось,
 Полночь въ безглагольномъ отразилась,
 Тихая, въ безгласномъ задержалась,
 Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,
 Звѣздное качнула коромысло,
 Капля съ Неба свѣлалась къ Землѣ,
 И одна былинка шевельнулась,
 Измѣнивъ серебрянныя числа,
 Вся серебряность въ числахъ пошатнулась,
 Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ
 Цѣлый замокъ рушился молчанья,
 И раздался всюду тонкій звонъ.
 Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ
 Двинулъ звуковыя колебанья,
 Шевельнулъ затонемъ серебрянымъ,
 И румянецъ бросилъ въ побосклонъ.

XII.

АУ.

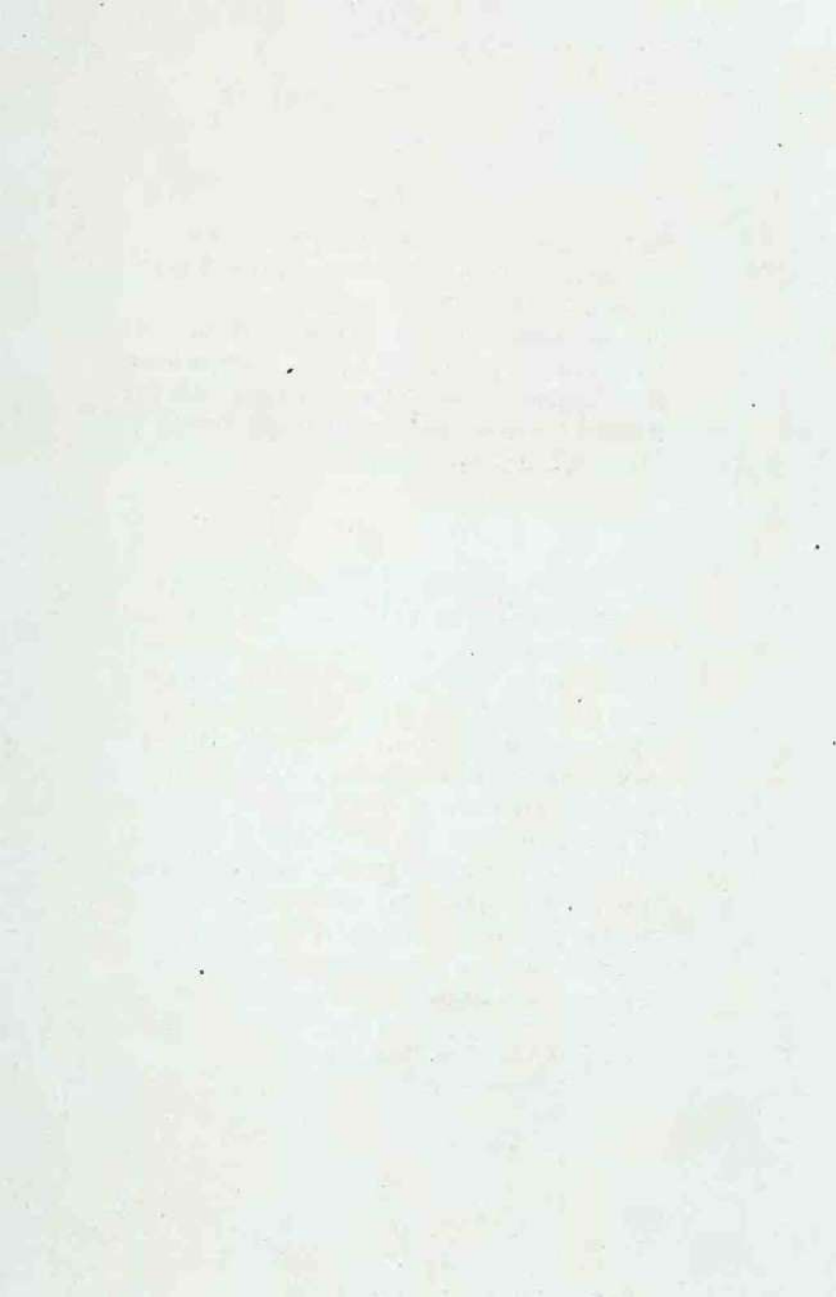
Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
 Онъ звалъ, какъ въ сонѣ зоветь свирѣлый звонъ.
 И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебя увѣнчиваю,
 Уйдемъ, бѣжимъ, вдвоемъ, на горный склонъ.
 Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позваниваетъ.
 Цвѣтку цвѣтокъ средь дая зажечь свѣчу.
 И чей-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
 Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

XIII.

МАЙЯ.

Я тебя восхваляю, о, Майя живая,
 Трепетомъ струнъ.
 Ты свой кругъ завершаешь, въ сіяньяхъ вступаая
 Въ тринадцать Лунъ.
 Ты всздѣ со мною, гдѣ любовь огневая
 Мяѣ шепчетъ: Ты юнъ.
 Ожерелье сплетишь, но жемчужины, тая,
 Льются въ бурунъ.
 И буря хохочетъ, какъ вѣдьма сѣдая,
 Какъ злой колдунъ.
 И буря разъялась, ты вновь голубая,
 О, Майя, ты снова идешь, круговая,
 Въ тринадцать Лунъ.

1908. Апрельскія Зори. Птичьи голоса.
 Долина Березъ.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

I.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

Я живу въ дворцѣ, чье имя—Царство Мая.
 Прилетаетъ къ окнамъ Птица голубая,
 Крылья у нея и перья—цвѣта дней,
 Цвѣта голубыхъ пространственныхъ зыбей.
 И поетъ та Птица. Говорить про время.
 Мнѣ какъ будто капли падаютъ на темя.
 Будто снѣжнѣ молній жгутъ меня лучи.
 Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
 Но, закрывъ глаза, колдую я:—Молчи.
 Вотъ, кому-то снова я раскрылъ объятья.
 Губы, въ поцѣлуѣ, шепчутъ:—Навсегда.
 Взоры, пріоткрывшись, мечутъ блескъ заклѣтъ.
 Изумрудны листья. Говоритъ вода.
 Исчезаетъ въ дѣлахъ Птица голубая.
 И другія птицы плещутъ въ Царствѣ Мая.

II.

ИДУНА.

Тамъ, гдѣ древо міровое,
 Тамъ, гдѣ ясонъ Игдразилъ,
 Слышию пѣніе живое,
 И какъ будто звонъ кадилъ.

Это—пѣніе Идуны,
 И когда ты невзначай,
 Проходя, услышишь руны,
 Вложишь въ струны вѣчный Май.

Это—пѣніе Идуны,
 На узорчатыхъ вѣтвяхъ,
 Тамъ, гдѣ яблоки—какъ луны,
 И какъ солнца въ облакахъ.

Это—пѣніе Идуны,
 Чей напѣвъ—рожденіе струй,
 Чьи глаза, лазурно-юны,
 Необыянный поцѣлуй.

Кто, любя расцвѣты въ мірѣ,
 Къ Игдразилу подойдетъ,
 Тотъ увидать лпкъ валькирій,
 Изопьетъ душистый медъ.

Кто съ Луной и съ Солнцемъ въ мысли
 Отъ зари и до зари,
 Глянь, здѣсь яблоки нависли,
 Встань, цѣлуй, любя, бери.

Это—пѣніе Идуны,
 Вѣрь въ согласный звонъ кадилъ,
 Дымъ отъ жертвъ и возгласъ юный
 Вѣчно въ Небо доходилъ.

III.

ЛЕНЬ.

Лень двѣ недѣли цвѣтеть,
 Спѣть четыре недѣли,
 На седьмую же сѣмя летить.
 Лень—голубой небосводъ.

Ленъ—во влюбленномъ Аурѣлѣ
 Звонъ предразсвѣтной свирѣли,
 Въ лунной ночи сталактитъ.
 Ленъ—голубой онъ и бѣлый,
 Это есть два,
 Ленъ въ міровые уходитъ предѣлы,
 Всюду сіяетъ его синева,
 Это четыре,
 Ибо четыре есть таинства въ Мірѣ,
 Сѣверъ и Югъ и Востокъ и Закатъ,
 Бѣлый и черный и красный и златъ,
 Если жъ въ пещеру мою, гдѣ горитъ
 Лунное множество плитъ,
 Если въ пещеру
 Ленъ поглядитъ,
 Вотъ, мы исполнили мѣру,
 Семь засвѣтилось, живеть сталактитъ.
 Сѣмя летитъ,
 Свѣтится пѣжняя блѣдность лица,
 Весь осіянь голубой небосводъ,
 Девять въ немъ лунъ,—
 Чтобъ дополнился счетъ.
 Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ,
 Имъ же не будетъ ковца.

IV.

ВѢНЧАНИЕ.

Въ саду проходить юный,
 Съ нимъ рядомъ молодая.
 Въ вѣтвяхъ звенять имъ струны,
 Ручей, съ камней спадая,
 Постъ, постъ, постъ,

Въ цвѣтахъ имъ свѣтлый модъ.
 Невѣста—Полночь Мая,
 Женихъ, онъ кто? Узнай.
 Онъ День, а, можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
 На ней одежды черны.
 Но оба такъ согласны,
 Взаимности покорны.
 Цѣлуетъ онъ ее,
 „Ты все, ты все мое“.
 Ея мечты узорны,
 Какъ брилліантъ она
 Въ оправѣ черной сна.

Женихъ—свѣтловолосый,
 Глаза его—зелены,
 У ней же черны косы,
 Глаза ея—затоны,
 Въ нихъ свѣтлая печаль,
 Прозрачнѣй, чѣмъ хрусталь.
 Въ саду проходить звоны,
 Поютъ цвѣты, дыша:
 „Влюбленность хороша“.

Весь Май процѣловались,
 Въ Июнь зашли, не зная,
 Заря съ зарей встрѣчались,
 Любвишниковъ встрѣчая.
 И свѣтъ вошелъ во тьму,
 И все отдавъ ему,
 Блѣднѣя, Полночь Мая
 Съ Июньскимъ нѣжнымъ днемъ
 Растаяла огнемъ.

V.

СЕМИКЪ.

Семицкая недѣля—зеленая, русальная,
 Часы Зеленыхъ Святокъ, во всемъ году едвинья,
 Въ душѣ тоскуетъ сказка, влюбленная, печальная,
 И быстро разрѣшится въ тѣ ночи воробьиныя.
 Вотъ дѣвушки. Куда они? Лѣсной мечтой дышать.
 Вотъ дѣвушки. Куда они? Кукушку провожать.
 Семикъ, четвергъ зеленый, березка завита.
 О чемъ же ты тоскуешь, стыдливая мечта?

Влечетъ рѣка во влажность, течетъ рѣка хрустальная.
 О, дѣвушки, куда вы? Русалки защекочутъ васъ.
 А если не войдете, прощай мечта вѣчная.
 О, дѣвушки, куда вы? Русалки захохочутъ васъ.
 Войдешь въ рѣку, забудешься, утонешь ты въ водѣ,
 Уйдешь отъ водъ, и сонъ уйдетъ, и нѣтъ его нигдѣ.
 О, дѣвушка, войди въ хрусталъ, во въ воды травку кинь,
 Спасетъ тебя одна трава, печаль, печаль, полинь.

VI.

ТѢЛО ИГРАЕТЪ.

Тѣло играть,
 Душа глядитъ.
 Тѣло въ лугахъ позабудки собираетъ,
 Тѣло уходитъ въ скитъ.
 Маки срываетъ, мѣняетъ свой видъ,
 Въ страшиности, въ страстности входитъ, взираетъ.

Въ полдни и въ ноци себя убрать,
 Выхватить ножъ,
 Скажетъ—хорошъ.
 Сплететь, заплететь безъ конца поцѣлуй.
 Брызветъ—огни. И огни хороши.
 Вѣчныя струи.
 Все жъ у душа
 Взора оно не смутить.
 Вотъ оно снова, по пыльной дорогѣ, на Храмъ собираетъ.
 Тѣло играетъ,
 Душа глядитъ.

VII.

ЦАРЬ-ДѢВНИЦА.

Могучій рогъ, изогнутый и полный,
 Пьянящимъ медомъ—предо мной.
 Я пью, я пью, живительныя волны
 Умчали душу подъ Луной.

О, Царь-Дѣвица, Лебедь вѣковая,
 Какъ искрометенъ этотъ медъ.
 Онъ старъ, онъ старъ, и потому, живая,
 Волна въ душѣ моей течетъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
 Миѣ подвеса, становится жезломъ.
 И я царю, и ты горишь, зарница,
 Мы будемъ молніей вдвоемъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
 Миѣ подвеса, становится рулемъ.
 И мы скользимъ, летитъ двойная птица,
 И мы плывемъ, и мы плывемъ.

VIII.

ЦВѢТЬ НОЧНОЙ.

Въ мозгъ мой, въ зрѣнію, и въ слухъ
Влился нѣжный женскій духъ.
И въ душѣ расцвѣтъ цвѣтка,
Имя—дѣвичья тоска.

Этотъ ласковый цвѣтокъ
Между травокъ оденокъ.
Какъ вечерній слышенъ звонъ,
Голубой и бѣлый онъ.

А какъ Ночь на высотѣ
Звѣзды мчатъ къ одной чертѣ,
Онъ, мѣнясь каждый часъ,
Смотритъ глубоко жадныхъ глазъ.

То засвѣтится какъ труть,
То блеснетъ какъ изумрудъ,
То ласкательно-лучнетъ
Задрожитъ какъ амистетъ.

Въ маломъ домикѣ пожаръ,
Въ храмѣ свѣчи—Божій даръ.
Опрокинувшись въ водѣ,
Кличетъ въ глубь звѣзда къ звѣздѣ.

Въ спадахъ водъ хрустальный звонъ,
Цѣлый лѣсъ заворожень.
Въ безглагольности озеръ
Звѣздно-зыбкій разговоръ.

А какъ Ночь на высотѣ
Отойдеть къ своей чертѣ,
На прогалинѣ лѣсной
Расцвѣтаеть цвѣтъ иной.

Снѣ какъ рдѣность вѣжныхъ ранъ,
Застыдился, онъ румянъ,
Онъ горить, не хочетъ ждать,
Хочетъ вовсе краснымъ стать.

IX.

ЛУНИНЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихій пламень, тихій пламень, но простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканый, золотой.
То скользящій, словно въ чащѣ лучъ-фонарикъ свѣтлика,
То грозящій, словно въ чащѣ ждетъ колдунъ изподтишка.
То какъ тайна Оксана, что, сѣдой, безсмертно-юна,
То какъ ранній свѣтъ тумана, то какъ звоны дальнихъ струнъ.
То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горить,
А какъ будто не для глаза, а для слуха говорить.
То какъ змѣйный свѣтъ онала, то какъ сказка жемчуговъ,
Какъ церковный звукъ хора въ часъ спасенья отъ враговъ.
То какъ верба въ ночь ущерба, или въ первый мигъ серпа,
Лунный камень, струнный пламень, отъ тебя въ тайникъ тропы.

X.

МАЗУРКА.

И видѣлъ, какъ ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила въ волнѣ звуковой,
И вдругъ я увидѣлъ—Свѣгурку—Свѣгурку,
Растаяла—тучкой летить предъ Лунной.

Не Солнце пресвѣтлый твой ликъ озаряло,
 Луча серебристой Луны,
 И было воздушно твоо покрывало,
 И блѣдные пѣли въ свирѣльностяхъ сны.

XI.

ВСЕЗВѢЗДНОСТЬ.

Я хотѣлъ бы быть послѣднимъ между первыми вождами,
 Я держалъ бы стремя богу, видя сонмы звѣздъ надъ нами,
 Я служилъ бы какъ невольникъ тѣмъ, въ которыхъ все—свобода,
 Я бы капель, капель вспыхнулъ въ пресѣченъи Небосвода.

XII.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
 Тамъ юноши, взрослые, малые дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова на Западъ
 съ Востока,
 Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, но знаютъ ни часа, ни
 срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благиости Бога,
 И все, проходя, проигрываютъ цѣплями, и вѣчно, и вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное
 пламя,
 Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ
 зная.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ, и
 алость,
 И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнѣтъ ихъ уста-
 лость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славѣ, о чарахъ,
 Нисечетъ духи, согбенно, проходить, какъ тѣни, въ безмѣрныхъ
 пожарахъ.

По блѣдной долинь, въ пустынь, какъ въ сплнѣ, донынѣ безум-
 ствуютъ духи.

И юноши сѣды, и дряхлые дѣти, и юны, межъ старцевъ, старухи.

XIII.

ЦАРИ СІЯНІЯ.

... Цари сіянїя отошли,
 Они разгнѣвались на это.
 И, старымъ, нѣтъ намъ больше свѣта,
 Опъ только тамъ, вверху, вдаль.

Лазурные престолы пусты,
 Всецѣльность превратилась въ топь,
 Въ періодическую дробь,
 И мраки Ада цѣлко-густы.

Когда жь окончится нашъ срокъ,
 И снова будутъ для младыхъ,
 И снова стебли золотые
 Вознесутъ лазоревый цѣтокъ?

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

Я боялся людей, презиралъ, неавидѣлъ ихъ,
 Черезъ это прошелъ я, и рубежъ навсегда перешелъ,

Какъ могу ихъ винить, если Рокъ міровой всѣхъ обидѣлъ ихъ?
 Я одинъ, но безгнѣвно, надъ темными шествіями золь.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажегъ тебѣ тихую вечернюю свѣчу,

И пѣмья, какъ лампада, тайныя пророчества
Я качаю въ душѣ, и молчу.

XV.

ПТИЦА.

И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Когда я замолчалъ на темной высотѣ.
Внизу крутился валь, дробился, многопѣвный,
И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Непобѣдимая въ крылатой красотѣ.

Мелькали корабли, какъ тѣни въ тускломъ свѣтѣ,
Поднявши стержни мачтъ и зыбя паруса.
На каждомъ кораблѣ блѣднѣли старцы-дѣти,
И всюду братъ съ сестрой, сквозь сонъ тысячелѣтій,
Играли въ поцѣлуй, въ цвѣткѣ была оса.

Все было сказано. Кто хочеть, будетъ пѣвннй.
Кто хочеть, приметъ страхъ чрезъ Царскую Печать,
И будетъ врагъ Земли, и будетъ врагъ Вселенной.
Но валь къ скалѣ придеть, и брызнетъ сказкой пѣвнй.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

1907. Марго разто. Съ высокой башни.
Парижъ. Пассе.

ПЛЯСКА ЗНОЯ.

I.

ОНЪ.

Хотя онъ похожъ на Огонь, онъ незрячъ.
 Онъ былъ, когда не было жалобы:—„Было“.
 Вѣка передъ нимъ—какъ молитвенный дымъ.
 А Солнце и Звѣзды и Мѣсяцъ—кадила.

Онъ смотреть въ сердца замолчавшихъ людей,
 Гдѣ страшныя вдругъ встаютъ вереницы.
 Въ зрачкахъ онъ у тигровъ, въ улыбкахъ дѣтей,
 И въ маломъ онъ горлѣ распѣвшей птицы.

II.

МѢСТО МОЕ.

Мѣсто мое—на порогѣ мгновенья,
 Дѣло мое—безпрерывное пѣнье,
 Сердце мое—изъ огня,
 Люди, любите меня.

Счастье мое—въ свѣтловзорной измѣнѣ,
 Сказка моя—и въ глубинахъ, и въ пѣнѣ,
 Голосъ мой манить, звать,
 Звѣзды, любите меня.

III.

ПО МОРСКОМУ.

Въ Морѣ, съ Моремъ, по морскому,
Только грому помолясь,
Я баюкаю востому,
Радость звать перуний часъ.

Было, будетъ только это,
Радость лѣта и весны,
Брызги взрывчатого свѣта
Съ бурно-взрытой вышины.

Радость молній преломленныхъ,
Перъ стозвонныхъ павшихъ плетъ,
Алый храмъ въ моряхъ бездонныхъ,
И въ пожарѣ—Свѣтовать.

IV.

МИНУТКА.

Дать,
Взять,
Угадать.
То какъ другъ,
А то какъ тать.
Вѣчно дѣва,
Вѣчно мать,
Звукъ напѣва,
Лучъ мечты,
Крылья молній,
Это ты.

V.

АТОМЪ.

Атомъ—Ангелъ, вспышка въ Морѣ,
 Человѣка не хочу,
 Я огонь въ нѣмомъ узорѣ,
 Лучшій возгласъ въ разговорѣ,
 Въ мірѣ битвъ—молюсь мечу.

Дай мнѣ вѣчность—опрокину,
 Я есмь я, и каждый—я,
 Не хочу входить въ картину
 Какъ черта, и, вольный, стыну,
 Но моя мечта—моя.

VI.

ОТЪ АТОМА.

Отъ атома—до человѣка,
 Отъ человѣка—до боговъ,
 И въ долгій вѣкъ Мельхиседека
 Отъ звона миговъ и часовъ.

Отъ неподвижности—въ самумы
 Взметенно-зоркой быстроты,
 Отъ тиши—въ грохоты и шумы,
 Въ разломы цѣльной красоты.

Да будетъ. Это все пріемлю.
 Отецъ мой—Умъ, и Воля—мать,
 Но я слѣпиль изъ точекъ землю,
 Чтобъ снова точки разметать.

VII.

АТОМЫ ВРЕМЕНИ.

Мы въ извивныхъ
 Вспѣвахъ взрывныхъ,
 Мы втекаемъ въ Да и Нѣтъ.
 Мы въ Безликомъ
 Ликъ за ликомъ,
 Иней звуковъ, прахъ примѣтъ.

Мы свѣченье,
 Злыбъ теченья
 Въ Океанѣ міровомъ.
 Дрожь въ намекѣ,
 Малость, строка,
 Буквы въ рунахъ, пѣснь въ мѣломъ.

Мы забытость,
 Глянцевитость
 Всесокружнаго жерла.
 Мигъ живемъ мы,
 Но поемъ мы,
 И звучать колокола.

Мы слѣжки,
 Паутинки,
 Въ каплѣ влаги—милліонъ.
 Онъ рыдасть,
 Не считаешь,
 Но творимъ мы Песбосклонъ.

Онъ смѣется,
 Въ тайнахъ вьется,
 Все же знаемъ мы, кто Онъ.
 Въ ликъ—отъ лика,
 Въ пѣснь—отъ крика,
 Въ хороводности Временъ.

VIII.

НАЧЕРТАНІЯ.

Круговой полетъ планетъ,
 Ихъ сплетенъ въ темнотѣ,
 Полосою идущій свѣтъ
 Метеоровъ и кометъ,
 Ужасающихъ примѣтъ
 Въ говорящей пустотѣ.

Это все—мой черты,
 Начертанъ вѣщихъ рунъ,
 Это—я, и это—ты,
 Чтобъ надъ бездной пустоты
 Были звѣздныя цвѣты
 Въ нескончасности струнъ.

IX.

ОГНЕННАЯ ЖАТВА.

Клокочетъ огненное море,
 Горятъ зловѣщія румянцы,
 На Солнцѣ рушатся въ просторѣ
 Вскипанья чувствъ, протуберанцы.

Что въ Солнцѣ въ этотъ мигъ боролось?
 Узнать ли намъ, тѣнямъ пожара!
 Но въ немъ горѣлъ гигантскій колосъ,
 Свершилась жатвенная чара.

X.

СУХОЙ ПЕРУНЪ.

Сухой туманъ, когда цвѣтенъ нивъ—
 Проклятье дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
 У нивъ зарницы даже—на счету,
 Сухой Перунъ—сжигаетъ рожь въ цвѣту.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
 И чахнетъ цвѣтъ, что радовалъ межу.
 Перунъ желаетъ молній—изъ зарницъ,
 Небесныхъ—долженъ онъ плянать дѣвницъ.

XI.

ПОЛОНИИНИКЪ.

— Почему ты, духъ свирѣлый,
 Вѣчно носишься, кружишься,
 Ни на мигъ не отдохнешь?
 На качели ты мятельной,
 Вправо, влево, къ дали мчишься.
 — Я—плывущий.—Это что жь?
 — Надо мной обрядъ крещенья
 До святого завершения
 Не былъ доведенъ.

Потому что попъ былъ пьяный
 Былъ онъ рваный и румяный.
 Опрокинулъ свѣчи онъ,
 Разукрасилъ крестъ цвѣтами,
 Говорить: „Веселье съ нами.
 Благовѣстье бытія“.
 И вина онъ налилъ въ воду:
 „Это душамъ дастъ погоду“.
 А погода, это—я.
 — Что же дальше?—Я—влюбленный,
 Дрожью звуковъ полопсанный,
 Въ брызгахъ, въ прихотяхъ Огня.
 Рабъ себя, страстей свободныхъ,
 Половняникъ Червородныхъ,
 Носить Дьяволы меня.
 Посижу—и вдругъ соскучусь,
 Погляжу—совсѣмъ измучусь.
 Гдѣ я? Что я? Запою.
 Все по новому о старомъ.
 Все бы дальше, все бы къ чарамъ,
 Вѣю, рѣю, вѣю, вѣю.

ХІІ.

МАКЪ.

Кто маки срываетъ,
 Тотъ громъ вызываетъ,
 Въ Брабантъ сказали мнѣ такъ.
 И вотъ почему я
 Весь вздрогну, ликуя,
 Дрожу, заприѣтивши макъ.

XIII.

ДВѢ РѢЧИ.

Есть обрходная рѣчь,
 Это— слова,
 Которыми жизнь въ ежедневномъ теченіи жива.
 А для единственныхъ встрѣчъ
 Двухъ озарившихся душъ, или тѣлъ,
 Есть и другая, напѣвная рѣчь,
 Вѣтеръ ее намъ однажды пропѣлъ,
 Видя въ лѣсу,
 Между травъ,
 Какъ въ просвѣтленности нѣжныхъ забавъ
 Любовь цѣловала красу,
 Вѣтеръ ее прихотливо пропѣлъ,
 И закружился, и прочь улетѣлъ.
 Въ этотъ же часъ
 Садъ былъ отъ яблонь влюбляюще-бѣлъ,
 И по Землѣ, въ отдаленный предѣлъ
 Сказка любви понеслась,
 Въ трепетъ бѣлыхъ, и всякихъ цвѣтковъ,
 Въ пѣніи птицъ, и людей, и громовъ.

XIV.

СТРѢЛА.

Говорять—полюби человѣковъ.
 Хорошо. Только какъ же мнѣ быть?
 Вѣдь родителей должно мнѣ чтить и любить?
 Кто жъ древнѣе—Атлантовъ, Ацтековъ,
 Ассирійъ, Халдеевъ, Варяговъ, Славянъ?
 Коль законъ—такъ законъ. Намъ онъ данъ.

Человѣковъ люблю—въ ипостаси ихъ древней,
 Глаза были ярче у нихъ, и рѣчи напѣвнѣй,
 Въ ихъ голосѣ слышался говоръ морей,
 Луной серебрились ихъ струны,
 О богахъ и герояхъ вѣщали имъ руны,
 И клинопись имъ возвѣщала о мощи великихъ царей.
 Но руны, и клинопись—стрѣлы,
 Острія,
 Бьющаго мѣтко, копья.
 Уходите же вы, что въ желаніяхъ блѣдныхъ не смѣлы,
 Человѣки, въ свои удалитесь предѣлы.
 Лукъ дрожить. Догони ихъ, вѣстунья моя.

XV.

ПЕРЕВАЛЪ.

Справа—горы, слѣва—горы,
 Справа, низу, тамъ узоры
 Задремавшихъ селъ.
 Слѣва—кручи, слѣва—тучи,
 Слѣва слышенъ зовъ пѣвучій,
 То прорвался ключъ гремучій,
 И завелъ,
 Мысль повелъ онъ по взвивамъ,
 Въ бѣгѣ срывномъ и счастливомъ
 Пляшетъ онъ по склонамъ скалъ,
 Вотъ запалъ,
 Вотъ юкнулъ,
 Въ царствѣ камня потонулъ,
 Снова, ящерницей, глянулъ,
 Залукавилъ, промелькнулъ,
 Снова скрытности оставилъ.

Выросъ, поднялъ цѣлый гулъ,
 Закурчавилъ
 Гребни скаль,
 И отъ селъ,
 Миновавши перевалъ,
 Влѣво—влѣво онъ ушелъ,
 И рокошетъ, не усталъ,
 И отъ высъ въ самый долъ
 Свѣже-орызжущую влагу лентой свѣтлою провелъ.

XVI.

НЕБЕСНЫИ БЫКЪ.

На золотыхъ рогахъ
 Небеснаго быка,
 Въ свѣжистыхъ облакахъ,
 Гдѣ вѣчная рѣка,—
 Въ лазури высоты,
 Слипясь живымъ вѣнкомъ
 Багряные цвѣты
 Надъ сумрачнымъ быкомъ.
 Возрадовался быкъ,
 Возликовалъ, стеля,
 Любить онъ не привыкъ
 Безъ громаго огня.
 Онъ гулко возопилъ,
 И прокатился громъ,
 Какъ будто омутъ сая
 Взыгралъ своимъ жерломъ.
 Прорвались облака,
 Небесный глянулъ лучъ,
 Три соти для быка
 Коровъ стоять вокругъ.

И въ праздниѣ огня
 До каждой есть прыжокъ,
 И каждая, степя,
 Любовный знаетъ срокъ.
 И сладостенъ разрывъ
 Отъ острія любви,
 И много влажныхъ нявъ
 Въ заоблачной крови.
 А къ вечеру вдали
 Зажглась въ выси звѣзда.
 И на ночлегъ попли
 Небесныя стада.

XVII.

ВЪДОГОНЬ.

У каждаго есть вѣдогонь.
 Когда ты заснешь, онъ встаетъ,
 Въ крылахъ его дышетъ полетъ,
 Осмотрится, дунетъ, идетъ,
 Окрѣпъ, улетаетъ, не тронь.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ.
 И разный намъ видится сонъ.
 Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
 Но мы это видимъ, а онъ,
 И тонемъ мы съ нимъ въ вышины.

Вотъ вѣтеръ бѣжить по цвѣтамъ.
 Красивый съ красивой, ихъ два,
 Безсмертная сказка жива.
 Цѣлуетъ. И дышетъ трава.
 Заснувшимъ такъ сладко устамъ.

Вотъ ссора, чудовищный вѣдь.
 Съ ножомъ вѣдогоня, бѣда,
 Открылась и льется руда,
 Ты спешь, ты уснулъ навсегда.
 Смотри. Вѣдогонь твой убить.

XVIII.

ЕДИНО-РАЗНЫЙ.

Мы вносимъ
 Въ свѣты, въ дымы,
 Мы крутимъ
 Безъ конца.
 Въ свѣтозарный
 Громъ ударный,
 Въ мракъ сердце и въ свѣтъ лица.

Но покуда
 Есть Іуда,
 Есть и чудо
 Для людей.
 Свѣтлый мститель,
 Искупитель
 Омрачающихъ страстей.

И покуда
 Намъ отсюда
 Изумруда
 Свѣтитъ свѣтъ,
 Мчитъ насъ бѣлый
 Богъ—въ предѣлы
 Красныхъ солнцъ и всѣхъ планетъ.

XIX.

СЕМЬ.

Изъ дыханья—камень красный,
Изъ воздушнаго—ужасный
По громадкости безстрастной.

А изъ камня, изъ забвенья,
Изъ земли, отяжелѣнья—
Изумрудное растенъе.

Изъ растенья, изъ ночлега
Тайно-жаркого побѣга—
Звѣрь, взглянуть—такъ это нѣга.

А изъ звѣря, всталъ изъ звѣря,—
То богатство, иль потеря,—
Человѣкъ, всебожность мѣря.

Изъ него, изъ человѣка,—
То силачь, или калѣка,—
Богъ растетъ въ вѣка изъ вѣка.

Богъ встаетъ, за богомъ боги,
Безконечныя дороги,
Многи мраки, звѣзды многи.

Это—пѣсть, но семь—священно,
Выше бога, неизмѣнно,
Что на Вѣчпомѣ—въ мигѣ пѣнно.

XX.

ВСЕБОЖІЕ.

Въ водахъ есть рыбы,—и боги есть рыбъ.
 Въ воздухѣ птицы,—есть боги крылаты.
 Въ травахъ свернулась змѣя вперегибъ,—
 Вѣщій есть Змѣй, богъ любви, хотъ проклятый.
 Боги лѣсные—какъ волки глядятъ,
 Боги ночные—какъ враны.
 Боги дневные—какъ солнечный взглядъ,
 Боги безчасья—слѣпые туманы.
 Люди всегда о богахъ говорятъ,
 Имъ отдають всеъ песечныя страны.
 Сами богами надъ Міромъ мы здѣсь
 Будемъ,—онъ нашъ будетъ весь!

XXI.

ВЫЗОВЪ.

Бряцать на кимвалахъ—умершихъ религій,
 Вериги носить—отошедшихъ вѣковъ,
 И вѣчно быть въ буквѣ, и вѣчно быть въ книгѣ,—
 Довольно. Я въ бунтѣ. Довольно оковъ.
 Я только оставляю, тамъ въ сердцѣ ледѣя,
 Зелено-Перистаго Змѣя себѣ,
 Волшебнаго Фея, цвѣтистаго Змѣя,—
 И вызовъ бросаю Судьбѣ!

XXII.

ПѢСНИ БѢСОВСКІЯ.

Пѣсни бѣсовскія, пѣсни пріязныя,
 Мысли мірскія, плескающія, плясанія,
 Были вы прокляты, звѣзды алмазныя,
 Подслѣповатость гнала васъ въ изгнанію!
 Гнали васъ, пляски Весны хороводныя,
 Вотъ и загнали въ лѣса изумрудныя,
 Любо склываться вамъ, птицы свободныя,
 Сколь вы прелѣстныя, сколь многочисленныя!

XXIII.

ДЖЭЛАЛЬЭДДИНЪ РУМИ.

Тотъ, кто знаетъ силу пляски,
 Въ томъ, какъ въ вихрѣ, свѣтитъ Богъ,
 Ибо смерть онъ знаетъ въ ласкѣ.
 Алла—гу!

Въ дальнемъ, въ близкомъ, въ вышнемъ, въ низкомъ,
 Въ мигѣ Вѣчность, въ бурѣ вздохъ,
 Знаетъ онъ любви смертельность.
 Алла—гу!

1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океанъ.

Soulac-sur-Mer.

Villa Ave Maria.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

*Посвящаю мое видѣніе безсмертной памяти проводца нашихъ
дней, Словацкого.*

Tu król, co jękleł hańc zwyciężyć młotem
I głośniej grać... niż tysiący ludzi jęczą.
Słowacki.

1. БАЮ.

Я только зналъ, въ тѣ дни, въ тѣ дни единственные,
Когда былъ юнъ, я зналъ лишь звоны струнъ,
Лишь орлій крикъ, огни, и сны таинственные,
Поцѣловать, и вбросить въ довязь луиъ.
Найдя цвѣтокъ, сорвать его съ медлительностью,
Чтобъ взять слегка съ цвѣтка цвѣточный сокъ,
И вдругъ уйти, плѣнивши ослѣпительностью,
Чтобъ жель въ другомъ намекъ, всегда намекъ.
И въ чемъ была та сила-чаровательница,
Что мнѣ дала такой извѣдать путь?
Не знаю, иѣтъ. Привѣтъ тебѣ, ласкательница,
Ты пѣла мнѣ: Заставь ихъ всѣхъ уснуть.
Баюкалъ я своими колыбельностями,
Качалъ мечту, качели хороши.
Изъ грѣзы — жизнь, съ обрывками и съ цѣльностями,
„Баю“ любви, къ душѣ „баю“ души.

2. ЭТО БЫЛО.

... Это было, это было, и не будетъ вновь,
 Потому что только Сила говорить: „Мой часъ готовъ!“
 Потому что даже дѣти — дѣтства лишены,
 И въ войну играютъ въ дѣтской, слыша рѣзкій свистъ Войны.
 Все, что было затаскино, выявилось вдругъ,
 Гнойность злобъ, обидъ, и гнета, расширяющійся кругъ.
 Тамъ, во- вѣ, готовятъ пушки, шепчется людидъ,
 Здѣсь, подъ тѣнью перекладницъ пляшетъ пляску динамитъ.
 Обезумѣвшіе братья — злѣйшіе враги.
 Револьверъ, книжаль, и петля. Мести за мечь. И грабъ. И жги.
 О, безумны тѣ, что шутятъ силою Огня.
 Бойтесъ живни больше казни, разъ убійство шутка дня.
 Подождите! Бой неравенъ. Простѣе пить.
 Лучше быть сто разъ убитымъ, чѣмъ хоть разъ одинъ убить.
 Подождите! Претерпите пытку до конца.
 Я клянусь вамъ: будетъ праздникъ Озареннаго Лица.
 Но въ то время какъ я спорю съ вихрями временъ,
 Отъ разстрѣловъ и пожаровъ сталъ весь красный небосклонъ.
 И въ то время какъ на ивѣ въ макахъ вси межа,
 Мальчикъ мой принесъ изъ дѣтской два блестящіе ножа.

3. ПѢСНЯ ОРЛИНАЯ.

И долго медлилъ и внималъ
 Напѣвамъ вышняго орла.
 Луна была какъ бы опаль,
 Ликъ Солнца былъ воздушно-аль,
 Какъ будто кровью истекалъ,
 И кровь ужъ блѣдною была.

То не былъ день. Ни день, ни ночь.
 Я былъ на бархатномъ лугу.
 О, пой, орелъ! Пророчъ, пророчъ!
 Пропой: Все было такъ точъ въ точъ,
 Въ вѣка умчавшіеся прочъ,
 На Сумерійскомъ берегу.

На многобожномъ берегу,
 Въ затонѣ странъ, въ рѣкѣ временъ,
 Гдѣ врагъ былъ волчьи радъ врагу,
 И пѣлъ кроваво: „Все могу!“
 И кедры высей гнулъ въ дугу,
 Чтобъ былъ отстроенъ Вавилонъ.

Смотри, орелъ, мы тожо здѣсь
 Воздвигли тридцать этажей.
 Мы Шаръ Земной сковали весь,
 У вышнихъ тучъ мы сбили спѣсь,
 Надъ Шаромъ шаръ пустили днесь,
 Превыше свиста всѣхъ стрижей.

Смотри, достигнемъ я тебя,
 Орелъ пѣвучій и сѣдой.
 Воздушный флотъ падеть, губя
 Тѣхъ, кто въ лолѣяньи себя
 Слабѣ пасъ. Гляди: дробя,
 Мы взрывъ бросаемъ золотой.

Кто смѣлъ возстать на наше Мы,
 И наше обмежить Хочу?
 Внизу тамъ были воинствъ тьмы,
 Но мы прошли быстрѣй Чумы,
 Изъ нашей облачной сумы
 Имъ выславъ пламя — саранчу.

Надъ Шаромъ — шаръ. Весь Шаръ земной
 Единой Волѣ подчиняетъ.
 Еще немного, и съ Луной
 Мы многоцѣтвой посленой
 Сплетемся въ шаръ одинъ, двойной,
 И дальше, въ Звѣздный Небосклонъ!

Такъ вѣлъ я, клекоту внемля,
 Что раздавался съ высоты.
 Вдругъ, словно якорь съ корабля,
 Орелъ упалъ. И вольно, дымъ
 Полетъ, парить — и гдѣ Земля!
 Я съ вѣмъ. — Ну, что-же, видишь ты?

Я видѣлъ. Чѣмъ я дальше плыль,
 Тѣмъ больше таялъ кругъ Земли,
 Земля была среди свѣтилъ
 Какъ бы кадало межъ кадилъ,
 Межъ точекъ точка, свѣтъ могилъ,
 Земныя Чары всѣ ушли.

Но, удаляясь отъ Земли,
 Я не приблизился къ Лунѣ,
 И Звѣзды Неба шли и шли,
 Звѣзда къ звѣздѣ, стада вдали,
 Въ снѣжисто-блещущей пыли,
 Въ недосигаемомъ Огнѣ.

И вдругъ я вскрикнулъ въ звѣздной мглѣ,
 И вдругъ упалъ орелъ сѣдой.
 Я былъ въ воздушномъ кораблѣ, —
 Лежу разбитый въ Землѣ.
 Орлиный духъ познавъ въ Орлѣ,
 Кому-жъ скажу я: „Пѣсню спой!“

4. КОМЕТА.

По яйцевидному пути
Летит могучая комета.
О чемъ хлопочетъ пляской свѣта?
Что нужно въ міръ ей найта?

Рисуетъ вытянутый кругъ,
Свершаетъ эллипсъ трехгодинный,
И вновь придетъ стезей обычной,
Но опрокинется на Югъ.

Она встаетъ ужъ много лѣтъ,
Свой путь уклончивый проводить,
Изъ невѣстнаго приходитъ,
И вновь ея надолго нѣтъ.

Какъ слабый ликъ туманныхъ звѣздъ,
Она въ началѣ появленья —
Всего лишь дымное видѣнье,
Въ ней нѣтъ ядра, чуть тлѣетъ хвостъ.

Но ближе къ Солнцу, — и не та,
Ужъ ликъ горитъ, ужъ свѣтъ не дробенъ,
И миллионы веретъ способнъ
Тянуться грозный слѣдъ хвоста.

Густѣетъ яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета свѣтится сердито,
Сплошной пожаръ — ея нутро.

Сопротивляется зверь
 Ея крылатости въ пространствѣ,
 Но Солнце въ огненномъ убранствѣ
 Къ себѣ зоветъ ея на пиръ.

Къ себѣ зоветъ ея, прядеть
 Вселенски-свѣтлыя дороги,
 И луны, въ страсти — крутороги,
 Ведутъ вѣнчальный хороводъ.

Верховная плыветъ даль,
 Все уменьшается орбита.
 Въ Жаръ-Птицу Ночи -- воля влечь
 Все уже скручивать спираль.

Полъ-Неба обнять рдяный хвостъ,
 Еще прозеня и червонца,
 И взрывность рухнетъ на Солнце,
 Средь ужасающихся звѣздъ.

1908. Ночи Зимня.
 Беркендаль.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

*Псаломъ Безмолвіа совершится сгоря,
Горитъ закатами пустыня ледяная,
Разъедалася ширь зачрезионныхъ стихій,
Безмолвность ясна Полярныхъ Литургій.*

*Надъ моремъ Близни багряная завогса,
Здѣсь царство хрусталей, здѣсь нѣтъ полей и лѣса.
Рядъ бѣлыхъ алтарей, млдлщихъ въ Небо, льдовъ,
Всходящая мольба, безъ просьбы, Псаломъ, безъ словъ.*

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

Небо, и снѣгъ, и Луна,
Самая хижина—снѣгъ.
Вѣчность въ минутѣ—одва,
Не различается бѣгъ.

Тамъ въ отдаленіи ледъ,
Цѣлый застылъ Океанъ.
Даяй отмѣчать-ли мнѣ счетъ?
Въ дняхъ не почной-ли туманъ?

Печь, это—блѣдная сѣнь,
День—запоздавшая почъ.
Скрылся послѣдній олень,
Дьяволъ умчалъ его прочъ.

Впрочемъ, о чемъ это я?
Много въ запасѣ ѣды.
Трапеза трижды моя
Между звѣзды и звѣзды.

Слушай, какъ востъ пурга,
Ѣшь въ троекратности жиръ,
Жди, не идетъ-ли цынга,
Вотъ завершанный твой міръ.

Жирнаго плотно поѣсть,
Сытгомъ очнети свой ротъ.
Новаго сытга постѣть.
Съ бѣлою тучей вѣть.

Вызвать на бой мнѣ пургу?
Выйти до области льдовъ?
Крѣпко зажавъ острогу,
Ждать толстолапыхъ враговъ?

Въ бѣлой холодной странѣ
Бѣлый огромный медвѣдь.
Мѣсяцъ горитъ въ вышняхъ,
Круглая мертвая мѣдь.

Вотъ, я намѣтилъ прага,
Вотъ, онъ лежитъ предо мной,
Мечъ мой въ ночи—острога,
Путь мой означенъ—луной.

Шкуру съ медвѣдя сорву!
Все же не будетъ теплѣй.
Съ вѣтромъ я звѣремъ живу,
Сытой утробой моей.

Вотъ, возвращусь я сейчасъ
Въ тѣсную душность юрты.
Словно покойника глазъ
Мѣсяцъ глядитъ съ высоты.

Стала потише пурга,
Все жъ замечаетъ мой слѣдъ.
Тонетъ въ пушанкахъ нога,
Въ этомъ мнѣ радости вѣтъ.

Впрочемъ, кому же слѣды
Въ этой пустылѣ исвать?
Снѣгъ, и пространство, и льды,
Снѣжная ледяная гладь.

Я безпредѣльно одинъ,
Тонуть слова на лету.
Жди умноженія льдинъ,
Дьяволы смотреть въ юрту.

* * *

Я изъ бѣдной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣдной страны.
Лѣта нѣтъ. Нѣтъ весны.
День мой малъ.

Ты изъ пышной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Ты изъ пышной страны.
Нѣжны чары Луны.
Свѣжи снѣжные сны.
Живъ кристалъ.

Шесть безумныхъ смертей.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Шесть безумныхъ смертей,
Шесть тридцатостей дней,
Шесть безумныхъ ночей.
Я усталъ.

Шесть негаснущихъ дней.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—

Шесть негаснущихъ дней,
 Шестью тридцать огней,
 Шесть костровъ, все свѣтлѣй.
 Вотъ, ты аль!

— А потомъ? Что потомъ?
 — Кто сказалъ?—Я сказалъ.—
 — Ты, съ горячимъ лицомъ?—
 — Я, вѣдунъ. Что потомъ?—
 — Смерть съ вѣдомъ.—Смерть съ концомъ?—
 Я упалъ.

* * *

Явился, вотъ, одинъ, другой,
 И третій, и четвертый.
 Ихъ не ударишь острогой,
 Не ткнуть рукой, не плусть ногой,
 Здѣсь лишь глядѣть на мертвый рой,
 Здѣсь тѣни распростерты.

Ихъ пронизая остріемъ,
 Не досягнешь ни мало.
 Не отступаютъ предъ мечомъ,
 Они во всемъ, они ни въ чемъ,
 И каждый смотрять палачомъ,
 Тверди: Конецъ—начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
 Седьмой, восьмой для круга.
 Тринадцать ихъ передо мной,
 Темнѣютъ, зыблесь пеленой,
 Внѣ чиселъ выются подъ Луной,
 Отъ Сѣвера до Юга.

Востокъ захвачонъ и Закатъ,
И верхъ и низъ—все въ міръ.
Вездѣ на тѣнь наткнется взглядъ,
Грозящій призрачностью Адъ,
Три измѣренья, говорятъ,
Они твердятъ—четыре.

Замкнись,—недостовѣрна дверь,
Проходятъ черезъ стѣны.
Смѣшались—завтра и теперь,
И вѣрь собѣ или не вѣрь,
Кругомъ—тысячеглазый звѣрь,
Потокъ съ мерцаньемъ пѣны.

Какой-бы маленькій предметъ
Ни всталъ передо мною,
За нимъ зловѣщій тѣнессѣтъ,
За нимъ, предъ нимъ ползучій слѣдъ,
Безплотный духъ, что мглой одѣтъ,
И оживленъ Луною.

Замкнулся наглухо въ юртѣ,
Но ждать недолго бузу.
Какой-то шопотъ въ духотѣ,
И чей-то хохотъ въ темнотѣ,
Пришли, сошлись, густѣютъ—тѣ,
Со мной, во мнѣ, повсюду.

§

* * *

Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ.
Сяга. Мерцанье. Тишь.

Ищи. Хоть цѣлый день.
Глупышъ. Пингвинъ. Тюлень.

Пройди. Весь сибѣ до льдинъ.
Тюлень. Глупышъ. Пингвинъ.

И самъ я отупѣлъ.
Слѣпить просторъ. Онъ бѣлъ,

И самъ я сталъ какъ звѣрь.
Всѣ дни одно—Теперь.

Гляжу, передъ собой.
Сажу, слѣпой, тупой.

Себя не отличишь.
Свѣга. Мерцанье. Тишь.

* * *

Бѣлоглазые пингвины,
Сумасшедшій птичій дождь.
Брюхомъ бѣлы, черны спины,
И какъ будто мыслить ртомъ.

Ужъ не молятся-ли Богу,
Чтобы пищи онъ послалъ?
Нужно жъ ѣсть хоть повемногу,
А животъ у нихъ немалъ.

Вверхъ поднявши клювъ прожорный,
Позабылъ летать пингвинъ,
Брюхомъ бѣлый, задомъ черный,
Растолѣвшій господниъ.

Съ неизвѣстной мглой не споря,
Уголь взять за цѣлый міръ,
Получаетъ ренту съ моря
И съ земли двойной баяниръ.

Вмѣсто крыльевъ, культы—руки,
Пища—снѣзу, что-жь летать.
Съ Небомъ лучше быть въ разлукѣ,
Близко, низко, тишь да гладь.

Паралитики для лета,
Отреклись въ своемъ крылѣ
Отъ небеснаго намета,
Чтобы ползать по землѣ.

На побережьѣ, въ числахъ цѣльный,
Раздаваясь въ даль и въ ширь,
Многобрюшный, многотѣльный,
Сытый птичій монастырь.

Вонь проходятъ надъ волнами
Чернобѣлою толпой,
И культяпыми крылами
Помаваютъ предъ собой.

Вонь, вапыжившись, яруютъ.
Два и два, откинувъ лбы,
Шен шеями цѣлуютъ,
Привставая на дыбы.

Предполярное видѣнье,
Альбатросъ наоборотъ,
Птица—земность, отупѣнье,
Птица—глупость, птица—скотъ.

* * *

- Дьяволъ, кто ты?—Вѣтеръ, Вѣтеръ.
 — Что ты ищешь?—Я свищу.
 — Что ты ищешь?—Долю, волю.
 Вьюсь, свиваюсь, трепещу.
 Возрастаю въ вихрѣ свиста.
 Замираю, чуть шепчу.
 Медлю тамъ, гдѣ степь цвѣтиста.
 Морозую язву мчу.
 — Дьяволъ, Дьяволъ, для чего же
 Ты цвѣты смѣшалъ съ чумой?
 — Иль не все одно и то же?
 Мчатъ что мчится—праздникъ мой.
 И ужели не пригоже
 Цвѣтъ цвѣтеть разъятыхъ ранъ?
 Красенъ макъ, и изва—тоже.
 Я—прохожій чрезъ туманъ.
 — Ты — жестокий! Дьяволъ, Дьяволъ!
 — Зззззз!—Качнулася Луна.—
 — Стой! — Куда тамъ! Скрылся Дьяволъ.
 Полночь. Сумракъ. Тишина.

* * *

Еслибъ мнѣ хотя вина,
 Этой огненной воды!
 Былъ бы бочкой я бозъ дна
 Отъ звѣзды и до звѣзды!

Я бы выпилъ за снѣга,
 Разъ въ снѣгахъ мнѣ жить даво.
 Я бы выпилъ за врага,
 Разъ сражаться суждено.

Я бы выпилъ за себя,
 Разъ родился я такой.
 Винный вузовъ тербя,
 Упивался бь день денской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
 Да густой, какъ деготь, жиръ,
 Чтобъ идти за звѣремъ вновь,
 Обезпечить скучный пиръ.

Я пьянбю лишь тогда,
 Какъ отъ лунной темноты
 И отъ вѣтра, иногда,
 Мѣрно пляшетъ дверь юрты.

И ручной пингвинъ въ тиши
 Трется объ ноги моя,
 И змѣяности души
 Я качаю въ забытѣи.

* * *

Я нашель, какъ развѣять мнѣ скуку,
 Какъ быть свѣтлымъ мнѣ въ мукѣ моеи.
 Я отъ Вѣтра развѣдалъ науку
 Быть веселымъ въ напѣвѣ скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
 Самъ съ собой безъ конца говорю.
 Не позорно-ль быть преданнымъ горю?
 Можно въ сердцѣ затѣять зарю.

Всю равнину отъ края до края
 Я прошелъ въ этомъ царствѣ снѣговъ.

И пѣвучи руны слагая,
Запасилъ ихъ на снѣжный покровъ

И пройдя по зеркальности синей,
Начерталъ я заклятья на льду,
Опускалъ ихъ серебряный иней,
Заманилъ въ заговоръ я звѣзду.

Пропало мнѣ хоромъ Молчанье
Безглагольную пѣсню свою.
Изъ снѣговъ предо мной изваянья
Я въ нихъ жизнь заклинаюсь впою.

Этимъ Мѣсяцемъ желтымъ, ущербнымъ,
Покачивавшимъ златые рога,
Сохранившимся прутикомъ вербнымъ,
Я веду вамъ: Живете, снѣга.

Оживляются странные леги,
Много созданныхъ снѣжныхъ людей.
Еслибъ было немного брусники,
Я бъ раскрасилъ въ нихъ пламя страстей.

Подожду, какъ совсѣмъ покраснѣетъ,
Предъ ущербомъ послѣднимъ, Луна.
Капли три она крови мнѣ свѣтъ,
Я ихъ вброшу, въ ихъ сердце, до дна.

* * *

Снѣжные люди устроены,
Снѣжные боги при нихъ.
Люди, какъ васта, устроены,
Богъ—дополнительный стихъ.

Мѣсяцемъ боги отмѣчены,
 Кровью ушербокой Луны,
 Въ членахъ они изувѣчены,
 Быть какъ отдѣльность должны..

Тѣ,—какъ болѣзнию словою
 Важно распучивъ животъ,—
 Съ алчностью смотреть суровою,
 Міръ это пища вмѣ въ ротъ.

Тѣ, развернувъ семипалыя
 Руки, по тысячѣ рукъ,
 Зубы оскалили алые,—
 Надо почтенья вокругъ.

Тѣ, разукрасившись блестками,—
 Женская будетъ статья,—
 Вмѣстѣ съ мужчинами—тозками
 Славятъ восторгъ бытія.

Грудь у нихъ поразвѣшаны
 Вродѣ какъ будто лозы,
 Взоры глядящихъ утѣшены,
 Даже до иѣжной слезы.

Дальше героя вельможные,
 Палецъ въ каждой рукѣ,
 Это—столпы придорожные,
 Дамбы въ великой рѣкѣ.

Если безъ нихъ, такъ развѣдется
 Влага въ чрезмѣрный разливъ,
 Любовь здѣсь у каждого мѣдится,
 Каждый охранно красивъ.

Дальше—со лбомъ убѣгающимъ,
 Это совѣтники всѣ,
 Взоромъ мерцають мигающимъ
 Въ мудрой и хитрой красѣ.

Зная, что столь предпочтительнѣ
 Задѣ предѣ невѣрнымъ крыломъ,
 Ихъ хороводъ умилительнѣ,
 Каждый мѣшокъ здѣсь мѣшкомъ.

Дальше—фигуры медвѣжьи,
 Храбрости бравый оплотъ,
 Кровью помазаны, свѣжьи,
 Сильныя, добрый народъ.

Я освятилъ ихъ заклѣтiami,
 Кровью своею окропилъ,
 Будьте здѣсь слѣтлыми братьями,
 Связью устойчивыхъ стропилъ.

Я освятилъ ихъ напѣвами,
 Кровью и птицъ и звѣрей,
 Будьте какъ юноши съ дѣвами,
 Въ страсти любовной своей.

Я освятилъ ихъ гаданьями,
 Кровью ущербной Луны,
 Будьте моими созданьями,
 Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу въ этомъ множествѣ,
 Кровью я лики кровлю,
 Царствуйте вдѣсь въ многобожествѣ,
 Каждого я люблю.

Будутъ вамъ жертвы багряныя,
Алости снова и вновь,
Капли кроплю я румяныя,
Чару влагаю я въ кровь.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣлой страны,
Я изъ бѣлой страны.

* * *

Прежде, вѣдь, какъ сибѣйники
Въ воздухѣ летаютъ,
Говорелъ я: серебряники,
Говорилъ: съ цвѣтовъ пушанки,
Станъ фей летаютъ.

И конечно. Вѣдь красивы.
Ишь какъ шелушатся.
Заплетаются въ извивы,
И летятъ, какъ хлопья ивы,
Пухомъ внизъ ложатся.

Да постой. Не такъ ужъ глушь я.
Знаю тѣ алмазы.
Да, узналъ. Не такъ ужъ тупъ я.
Это—кожа, это—струнья
Моровой Проказы.

Тамъ на Сѣверѣ, сѣдая,
И еще на Югѣ,
Скитъ Проказа мировая,

И скребется, возставая,
На Полярномъ кругѣ.

Позѣваетъ, поскребется,
Налуцать лохмотій,
Глянетъ, плюнетъ, и ругнется,
Туча на небѣ сберется,
Тутъ на поворотѣ.

На углу воротъ Полярныхъ,
Вѣдьмному сказу
Послушая, въ клубахъ парныхъ
Накопила снова угарныхъ,
Понесла заразу.

На зеленымъ поляны
Дунетъ, все повянетъ.
Заморозила туманы,
Бросить между травъ изъяны,
Мертвый узелъ стянетъ.

И посыплетъ, и засѣетъ,
Съ краю и до краю.
Цѣпелѣніе навѣетъ,
Замятелить, завладѣетъ,
Брежу, засыпаю.

* * *

Въ западѣ я у врага.
Гдѣ же быть мѣ? Здѣсь въ юртѣ?
Въ этой душной тѣснотѣ?
Или выйти на свѣга?
Какъ выходить на лугъ?

Тамъ тѣснѣ въ пустотѣ,
 Въ безграничности того,
 Что едино и мертво.
 Я вольнѣ между стѣнъ,
 Гдѣ хотъ тѣни перемѣнъ,
 Гдѣ хотъ это для меня: —
 Тихій трескъ и скокъ Огня.
 На равнинѣ я мертвецъ
 Въ безграничности гробницъ,
 Гдѣ начало есть конецъ
 Въ одноцвѣтномъ безъ границъ.
 Тамъ я въ вольности — сколеть,
 Здѣсь я въ тѣсности — живой.
 Мною зажженный — дышитъ свѣтъ
 Въ этой вѣлѣ гробовой.
 Только выйду, видно мнѣ,
 Что со мною никого.
 Здѣсь же въ жаркомъ полуснѣ
 Оживаетъ вещество.
 Я подушку обляму,
 И съ покрывкой говорю.
 И шепчу я въ полутьму
 Къ неизвѣстному, сму.
 Мнѣ отраднѣи и вольнѣи
 Закрывать свои глаза,
 Обращаясь мыслью къ ней,
 Чьи глаза какъ берюза.
 Съ неопостижной говорю,
 Распалюсь и горю,
 Въ тѣлѣ есть такой огонь,
 Что ужъ вотъ я не оданъ.
 Вѣтеръ взвѣлъ. Ну, что-жъ, трезвонъ,
 Но меня въ тиши не тронъ,

Здѣсь не царство двѣихъ лѣдинъ.
 Здѣсь хоть въ грезѣ, я ловлю
 Чье-то пѣжное „Люблю“,
 Хоть въ гробу, но властелинъ.

* * *

Я узналъ сегодня почью,
 Что воочью, что воочью
 Вещи всѣ — живыя.
 Я зажегъ огонь, и думы
 Думалъ, думалъ. Вѣтра шумъ
 Доходили до меня,
 Круговые.
 Я глядѣлъ на скокъ Огня.
 Сине-красную онъ пляску
 Начиналъ и измѣнялъ,
 Взявши желтую окраску.
 Зачиналъ иную сказку,
 Становился снова аль,
 Въ дымъ бѣжалъ, въ сѣдые дымы,
 Перемѣшивался съ ними,
 Прогонялъ ихъ отъ себя,
 Билъ ихъ прутьями цвѣтными,
 Языками расписными,
 Пламещвѣтности дробя,
 Самъ собою обольщался,
 Голубою клятвой клялся,
 Что нельзя же не любя
 Такъ неистово метаться,
 Такъ несдержанно горѣть,
 Былъ какъ золото, какъ мѣдь,
 Фіслетово мерцаю,
 Начиналъ тихонько пѣть,

Велся, дымы обнимая,
 Снова дыму пѣлъ: Не тропь,
 Нѣтъ, не тропь, вѣдь я Огонь.
 Золотился рѣже, рѣже,
 Загрязнялся чаще, чаще.
 И на шкурѣ я медвѣжьей
 Размышлялъ, что я пропащій,
 Что когда-то я весной
 Былъ съ любимой женой,
 Проходилъ по вешней чащѣ,
 Каждый листикъ былъ алмазь,
 Каждый цвѣтикъ нѣжилъ насъ,
 О, я помню, какъ коснулся
 Я губами нѣжныхъ губъ
 Какъ невольно усмѣхнулся
 Я на свѣжесть поцѣлуя,
 Каждый, къ зубу линущій, зубъ,
 Каждый нѣжный бѣлый зубъ
 Минь любовно улыбнулся,
 Жилъ въ отдѣльности ликуя,
 О, я помню какъ меня
 Тонкій токъ пронзилъ огня,
 Какъ я сжалъ ее, и ало
 Улыбалася заря,
 И лѣсная тишь качала,
 Безъ конца, и безъ начала,
 Двухъ влюбленныхъ, въ комъ, горя,
 Было счастье обниматься,
 Такъ, вотъ такъ, прижать, прижаться,
 Такъ, вотъ такъ... Постой, постой,
 Что такое, что такое,
 Что такое здѣсь со мной?
 Я лежу въ палящемъ зноѣ

Съ изумительной женой!
 На медвѣжей былъ я шкурѣ,
 А теперь — въ объятяхъ чьихъ?
 Въ поцѣлуйной дикой бурѣ,
 Мнѣ Огонь постъ свой стихъ,
 Я въ истомности касаѣй,
 Я цѣлую, я дрожу,
 Я въ сіяньи, я въ туманѣ,
 Кто со мной, не услыжу,
 Что со мной, не расскажу,
 Я вступилъ въ огонь горячій,
 Тѣломъ я вошелъ въ весну,
 Я захлебываюсь въ плачѣ,
 Въ сладкомъ хохотѣ стону,
 И кругомъ, съ Огнемъ качался,
 Расцвѣчаясь въ красотѣ,
 Отраженьями встрѣчался,
 Пляшутъ вещи всѣ въ юртѣ,
 Пляшетъ утварь, пляшутъ стѣпы,
 Сумракъ шепчется живой,
 Все въ дрожаньи перемѣны
 Поцѣлуй есть тѣневой,
 Къ огневому средоточью,
 Словно шабашъ круговой,
 Всѣхъ вещей стянулся рой.
 Это видѣлъ я воочью,
 Нынче ночью, нынче ночью,
 И теперь ужъ я — другой.

* * *

Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?
 Что-то есть тамъ? Кто-то скрытъ?

Усмѣхнувшіяся губы?
Кто-то молча говоритъ?

Мнѣ подмигиваетъ. Вѣжу.
Осовѣлые глаза.
А! проклятый! Ненавижу!
Тощій дьяволъ и коза.

Закривившаяся морда,
Полусломаны рога.
А при этомъ смотреть гордо,
Словно — вотъ, молъ, съѣмъ врага.

Шевельнулъ я краемъ шубы.
Падоло. Уходи.
Снова тутъ. Оскалилъ зубы.
Хвостъ означилъ позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Разъ пришелъ, такъ для чего?
Ухмыльнулся. Смотрить ближе.
Видно, хочеть своего.

А чего, ему извѣстно.
Вправо, влѣво онъ минулъ.
Встали тѣни, такъ, что тѣсно.
Въ головѣ, какъ въ ульѣ, гуль.

Расползлись, какъ черви, лики,
Копошатся и глядятъ.
Хоть ручною, все же дики,
И косятъ псевѣрный взглядъ.

Полузвѣри, полуримы.
 Птицезиби, жадный ротъ.
 Дивныхъ странъ живымъ глыбы,
 И на нихъ бѣсовскій скотъ.

Диво — пастбище видѣний
 Распаленнаго ума.
 Кто вы, тѣни? Что вы, тѣни?
 Ваша мать — Смерть сама?

Лугъ вашъ — духъ умалишенный?
 Тошій Дьяволъ — вашъ пастухъ?
 Язвы памяти безсонной,
 Саранчою полный слухъ!

* * *

Вновь ушелъ, и вновь пришелъ.
 Чей же это произволъ
 Говять внутрь, и прочь, во выѣ,
 И велить кружиться мнѣ?

Тамъ въ клѣти — ручной медвѣдь,
 Здѣсь въ юртѣ — ручной шивгапъ.
 Что же, пѣсю имъ пропѣть:
 Сжальтесь, звѣри, я одинъ?

Тутъ еще — ручной тюлень.
 Что ли, съ нимъ поговорить?
 Я, молю, выдывалъ сирень,
 Я умѣю нектаръ пить.

Тоже былъ, молю, кое-гдѣ,
 Тоже я не кто-нибудь,

Обратя свой взоръ—къ звѣздѣ,
Начиналъ свой дальній путь.

А не выгорѣло, — что-жь,
Приходи сюда другой.
Посмотрю я, какъ пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, какъ дойдешь
До величья бѣлыхъ льдинъ,
Какъ мечта увидать ложь
Ею тканыхъ паутинъ.

Это Полюсь? Можетъ, да.
А быть можетъ, что и вѣтъ.
Полюсь нашъ въ душѣ всегда,
Въ первоизначности примѣтъ.

Вотъ примѣта: Попѣлуй.
Вотъ примѣта: Вздохъ—люблю.
Вотъ примѣта: Взрывность струй.
Зовъ русалки: Утоплю.

Вотъ примѣта: Долгій взглядъ.
Сердце къ сердцу. Полюсь — здѣсь.
Ты-же шолъ — всегда назадъ,
Проходя просторъ свой весь.

Ты лишь думалъ, что впередъ
Уходилъ и уходилъ.
И ушелъ. Въ безцѣльномъ. Вотъ.
Въ безглагольности свѣтилъ.

* * *

Какая ночь! Всѣ звѣзды. Полны числа.
 Узоры думъ, что мыслятся не здѣсь.
 Качается златое коромысло,
 И влагой звѣздной міръ обрызганъ весь.

Въ сіяньи свѣтъ, округлую равнину
 Повсюду куполь ночи обступилъ,
 Въ раскинутомъ величїи я стыну,
 О, атомъ пытки въ торжествѣ свѣтилъ.

* * *

Я вспоминалъ что-то изъ того,
 Что было иѣкогда моимъ,
 Теперь же — призракъ, ничего,
 Отшедшій звукъ, ушедшій дымъ.

И былъ у моего окна,
 Въ какомъ-то сладостномъ бреду,
 А голубая вышина
 Зажгла Вечернюю Звѣзду.

И вдругъ я понялъ, что звано
 Есть между вышнєю и мной,
 Что темный съ свѣтлой есть одно,
 Что я земной и неземной.

И такъ душа была жива,
 Какъ въ Маѣ пляска свѣтлыхъ дѣвъ,
 Душой — въ одно слиявши два,
 Я пѣлъ вселенскій свой напѣвъ.

* * *

Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда.
[Она же Утренняя].
Вокругъ меня шумятъ ночные города.
[Они же утренніе].
Въ моей душѣ навѣкъ слѣлись и Нѣтъ и Да.
[И Да и Нѣтъ — ихъ нѣтъ].

Въ моей груди дрожатъ благоговѣйный вздохъ.
[Въ немъ и проклетіе].
Вокругъ моихъ гробницъ сѣдой и цѣпкій мохъ.
[Онъ и съ расцвѣтами].
Со мною говорятъ и Сатана и Богъ.
[Ихъ двое, я одинъ].

* * *

О, паденье росы, при рожденіи дня,
Вѣтромъ навѣянное!
Даръ дивящихся травъ, добровольная дань,
Почью надуманная!

О, паденье дождя, на продолжность долинъ,
Облакомъ свѣянное!
О, рожденіе слезъ, въ день единый изъ дней,
Вѣдѣнье свидѣвшихся!

* * *

Зачѣмъ, звено съ звеномъ свивая,
Сюда спустился свѣтлый сонъ,
Звуча зурной, струной, свирѣлью,
Струя струю свѣтлѣй зари?

Свѣвая сказки сонныхъ листьевъ,
И въ свисты свѣжій вѣтеръ вливъ,
Зачѣмъ влагаетъ въ слухъ — ихъ слитность,
Зачѣмъ зоветъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

За слосмъ слой снѣга въ подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачѣмъ же свѣтлый звонъ свирѣли,
Весло въ волнѣ зачѣмъ, зачѣмъ?

Шутя, блестя, шурша, какъ шалость,
Зачѣмъ тотъ шопотъ — шелкъ пришелъ,
Свирѣли счастья въ саркофагъ
Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

* * *

Гдѣ же я?
Гдѣ же я?
Вѣсть, свѣтъ Небо снѣгъ.
Гдѣ же я?

Еслибъ плыть.
Еслибъ плыть!
Можно бъ встрѣтить тихій берегъ.
Еслибъ плыть!

Я въ цѣняхъ.
Я въ цѣняхъ!
Тѣло бѣло, мысли ледъ.
Я въ цѣняхъ.

Не привстать.
Не привстать!

Не страхнутъ мертвящій гнетъ.
Не привстать!

Время нѣтъ.
Время нѣтъ!
Время было и прошло!
Время нѣтъ.

Бѣлый свѣтъ.
Бѣлый свѣтъ.
Гдѣ же я? Дрожать крыло!
Бѣлый свѣтъ!

* * *

Не могу я быть въ юртѣ,
Не могу ужь, не могу.
Захлебнулся я въ мечтѣ,
Эти мысли, тѣ, и тѣ,
Вѣчно мысли стерегу.
Быть въ измышленной чертѣ
Не могу ужь, не могу.

Не могу въ юртѣ я быть,
Зрячій филинь — и слѣпой.
Самого себя любить,
Душу въ малости дробить,
Чтобъ себя же обступить
Все собой, самимъ собой.

Въ Бѣлый Міръ пойду теперь,
Бѣлый Адъ хочу избыть,
Распахну я настежь дверь,
Быть съ собою — то не быть.

Бѣлый Мірѣ, вступаю въ бой,
 Съ Бѣлымъ Дьяволомъ, съ тобой.
 Бѣлой Смерти я вкушалъ,
 Столько, столько, что не счесть.
 И вкушу еще, до тла.
 Вотъ, ты есть и ты не есть,
 Ты скорѣе лишь была.

Не считая капель слъзъ,
 И глядя на токъ свѣтилъ,
 Я узоръ мечты плету,
 Я бросаю свой уютъ,
 Зажигаю я юрту,
 Лзыки Огня поютъ.
 Бѣлый Мірѣ, въ послѣдній бой
 Выхожу теперь — съ тобой,
 Ты не сможешь побѣдить,
 И въ тебѣ найду я нять
 Въ сказку Живни Голубой.

* * *

А востину-ли тамъ,
 Гдѣ обрубленъ ледъ водой,
 А востину-ли тамъ
 Праздникъ жизни золотой?

Не преснилось-ли мечтѣ,
 Что когда-то былъ я тамъ?
 Не преснилось-ли мечтѣ,
 Рай и Ева и Адамъ?

Это вымыслы мои,
 Чтобы сирятать круглый путь?

Это вымыслы мои,
Чтобъ въ снѣгахъ не потонуть?

Это хитрость предъ собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость предъ собой,
Жить хоть какъ-нибудь въ снѣгу?

А коль я наоборотъ,
Или тотъ-же вѣчный кругъ?
А коль я наоборотъ,
Или вѣчно я самъ-другъ?

А коль я на перебѣгъ,
Не достигну-ль я себя?
А коль я на перебѣгъ,
Или тотъ-же вѣчный снѣгъ?

А коль я направо — такъ —?
Что-то спуталось во мнѣ.
А коль я налѣво — такъ —?
Всѣ тропинки я смѣшалъ.

Снова впрямь на перебѣгъ,
Тамъ, быть можетъ, новый путь?
Снова впрямь на перебѣгъ,
Есть тутъ ледъ, не только снѣгъ.

Ну, а если я пойду
Безъ оглядки вдалѣ по льду?
Ну, а если все впередъ,
Можетъ, что-нибудь найду?

Вплоть до свней до воды
 Если я пройду всё льды?
 Ой, какъ скользко! Гладкій лёдъ!
 Цѣтъ ни смерти, ни бѣды.

Вплоть до влаги я дойду,
 Къ свней влагѣ припаду.
 Что тамъ? Лишь не снѣгъ, не лёдъ!
 Что-нибудь, но тамъ найду!

* * *

Вызвѣждало. Мѣсяцъ въ дымкѣ скрытъ.
 Спряталъ онъ во мглѣ свои рога.
 Сумрачно. Но блѣдный снѣгъ горить.
 Внутреннимъ огнемъ горять снѣга.

Въ прозрачности бѣлой я слѣжу,
 Сколько ихъ, тѣхъ звѣздныхъ паутинъ.
 Какъ бы сплести изъ нихъ мнѣ мережу?
 Въ Вѣчломъ я. Одинъ, одиая, одианъ.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ? —
 Я изъ бѣлой страны.
 На иную межу.
 Я изъ бѣлой страны
 Ухожу.

* * *

Морской леопардъ — онъ не тронулъ меня,
 Полярный медвѣдь — онъ не тронулъ меня,
 Лежали моржи и глядѣли,
 И словно сосульки застывшей мятели
 Бѣгли у нихъ клыки.

Тюлени толпами — прощайте навѣкъ,
 Прощайте пингвины, отродѣс калѣкъ,
 Уходить, уходить отъ васъ человѣкъ,
 Уходить.

Вверху огоньки, и ввезу огоньки,
 Вверху звѣздомечность Великой Рѣки
 Узорныя волны проводить.
 И всполохи встали въ цвѣтистомъ броду,
 Сгорають.

А тутъ, на звснющемъ и прозрачномъ льду,
 Отвѣтныя звѣзды играютъ.
 Свершилось. Звѣзду увидала звѣзда.
 На льдѣ голубая заходитъ вода.
 Иду!

1908. Ночи Зимнія. Бѣлое Утро.
 Долина Вережь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Бѣлый лебедь.	Стр.
Бѣлый лебедь.	5
2. Тринадцать лунъ.	
Январь.	15
Февраль.	16
Мартъ.	17
Апрѣль.	18
Май.	20
Іюнь.	22
Іюль.	24
Августъ.	25
Сентябрь.	26
Октябрь.	28
Ноябрь.	30
Декабрь.	31
Тринадцатый.	32
3. Майя.	
Играть.	37
Египеть.	37
Оахака.	38
Цвѣтокъ цвѣтку.	39
Пѣснь звѣзды.	40
Ляндыши.	41
Лишь Богъ.	42
Для чего?	43
Люблю тебя.	43
Струнность.	43
Разсвѣтъ.	44
Лу.	45
Майя.	46

4. Голубая птица.

	Стр.
Голубая птица.	49
Идуна.	49
Левъ.	50
Вънчаиные.	51
Семякъ.	53
Тѣло играеть.	53
Царь-Дѣвица.	54
Цвѣтъ ночной.	55
Лунный камень.	56
Мазурка.	56
Всѣвъздность.	57
По блѣдной долинь.	57
Цари сѣнь.	58
Одиночество.	58
Птица.	59

5. Пляска зноя.

Овъ.	63
Мѣсто мое.	63
По морскому.	64
Минутка.	64
Атомъ.	65
Отъ атома.	65
Атомы Времени.	66
Начертанія.	67
Огненные дѣла.	67
Сухой Перунъ.	68
Положняникъ.	68
Макъ.	69
Двѣ рѣчи.	70
Стрѣла.	70
Переваль.	71
Небесный быкъ.	72
Вѣдоговъ.	73
Елпво-Разный.	74
Семь.	75
Всебожие.	76

Вызовъ.	76
Пѣсни бѣсовскія.	77
Джалальаддинъ Руми.	77
6. Крадущееся завтра.	
Крадущееся завтра.	81
7. Въ бѣлой странѣ.	
Псаломъ Безмолвія.	89
Небо, и снѣгъ, и Луна.	91
Я изъ бѣлой страны.	93
Явились, воть.	94
Тюлень. Пингвицъ. Глупышъ.	95
Бѣлоглазые пингвины.	96
Дьяволъ, кто ты?	98
Если бѣ мнѣ хотя вина.	98
Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скуку.	99
Снѣжные люди.	100
Я пѣзъ бѣлой страны.	103
Снѣжинки.	103
Въ западѣ я у врага.	104
Я улавляю сегодня ночью.	106
Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?	108
Вновь ушелъ, и вновь пришелъ.	110
Какая ночь. Всѣ звѣзды. Полны числа.	112
Я вспомнилъ что-то.	112
Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда.	113
О, паденье росы, при рожденіи дня.	113
Зачѣмъ звено съ звеномъ?	113
Гдѣ же я?	114
Не могу я быть въ юртѣ.	115
А востану ли?	116
Вывѣдало.	118
Я изъ бѣлой страны.	118
Морской леопардъ—онъ не тронуть меня.	118

КАТАЛОГЪ К-ва „СКОРПИОНЪ“.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „СКОРПИОНЪ“

ЯНВАРЬ 1909 ГОДА.

І. СТИХИ.

Ю. Бялтрушайтисъ. Жатва Дня. Печатается.

Н. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горяція Зданья). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV, V, VI, VII, IX, готовятся къ печати.

Томъ VIII. (Жаръ Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Времени). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Александръ Блокъ. Печальная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Стихи 1892—1907 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos) М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1908 гг. (Всѣ напѣвы). Выдѣтъ въ февралѣ.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верленъ. Гимны, пѣсни, исповѣди, въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.

- Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна работы Т. ванъ Риссальберга. Ц. 1 р. 30 к.
- Юрій Верховскій. Первая книга стиховъ. М. 1903. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппиусъ. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Cog Ardens. Speculum Spee- ги т. Эросъ. Выдѣтъ въ февралѣ.
- М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Монаховъ. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портр. автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковский. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ведеръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы) Пер. разѣромъ подлинника К. Вальмонта. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый. Четвертая симфонія. Кубокъ мотелей. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ. Земная ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерія Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ пѣмечкой жизни. XVI в. Части I и II. М. 1908. Ц. 3 р.
- Инутъ Гамсунъ. Съест. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ. Разказы. Томъ I. Печатается.
- Жагадсъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1903 г. Ц. 65 к.
- Эдгаръ По. Собрание сочиненій въ переводѣ К. Д. Вальмонта.
- Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.
- Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Томъ III. Страшные разказы, гротески. Печатается.

Ст. Пшибышевский. Собрание сочинений.

Книга I. Ното Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли.

(Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заушковойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семеновъ и Е. Троповскаго. Обложка Фидуца. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевский. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть рассказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габриэль д'Аннуцио. Трагедіи. „Мертвый городъ“, „Джоконда“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валеріи Брюсова. М. 1900. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Л. Зинovieва-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Куренинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Папъ. Они почували. М-Не Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1909. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почували. М-Не Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

